

S-T-I-K-S

За невидимой
тенью
безликой
химеры

Игорь Андреев

Игорь Андреев

**За невидимой тенью
безликой химеры**

«Автор»

2022

Андреев И.

За невидимой тенью безликой химеры / И. Андреев — «Автор»,
2022

Вселенная А.Каменистого "СТИКС" Герой излишне мнителен и подвержен неожиданным душевным порывам, но Стикс из любого выбьет дурь и либо ты сам становишься чудовищем, по собственной воле, либо чудовища переваривают тебя в собственных желудках. Успешный поход за белым жемчугом тем не менее не принёс Хвату желаемого исцеления, будни рядового наёмника одновременно и опасны, и бесперспективны. Трансформация организма медленна, но неумолима, а Человеческий Улей огромен и разнообразен, есть здесь Великие Знахари, да и скребберов хватит на всех желающих. Кого искать, - первых или вторых? А может есть третий путь, и нужно искать именно его? А вдруг станет только хуже?

© Андреев И., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1. «Один на льдине»	5
Глава 2. Стронги	9
Глава 4 Худой	17
Глава 5. Верное дело	24
Глава 6 Марш-бросок	27
Глава 7 Потаённые страхи (возмутительная корреляция)	31
Глава 8 На старые грабли	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Игорь Андреев

За невидимой тенью безликой химеры

Глава 1. «Один на льдине»

Справа на корпусе явственно угадывалась причина гибели бронемашин: почти идеальная окружность от испарившейся с брони краски и три концентрических круга выщербин, оставляемых на металле разлетающимися осколками. В центре этой геометрии зияла злобным зрачком-буркалом дыра от попадания кумулятивной струи. Экипажу не повезло, все люки закрыты, никто не выбрался.

Я представил, как подрывается граната выстрела, формируя свой плазменный клинок: огненный росчерк пронзает восемнадцать миллиметров брони, испаряя и выплёскивая её в броневое пространство, огненные капли разлетаются по салону, остывая в телах бойцов, а мощный скачок давления не оставляет рядом сидящим ни единого шанса. Тут, наверное, и Уменья не помогут, как тому..., с «каменной кожей», которого я подстрелил из арбалета.

Есть, правда, один Дар, его я до сих пор считаю невозможным даже для Улья. Воскрешение – ни то байка, ни то всамделишная способность. Вот только воскресать в большинстве фатальных исходов себе дороже. Воскреснул, а тебя жрёт какой-нибудь рубер, или внешник режет на органы... Нет, всё же неправильное у меня воображение: случаи, где умение воскресать не поможет, я представляю хорошо, а где оно будет к месту, никак не получается. На ум приходит только шальная пуля, или если случится оказаться в таком вот броневике, пробитом гранатомётным выстрелом. Тогда да, будет второй шанс выбраться и попытаться удрать из засады. Однако, учитывая, что народ в Улья подобрался бывалый и умеет любое преимущество использовать по максимуму, ускользнуть из западни – шанс не велик. Требуется разработка такой стратегии, чтобы вообще не оказаться на дороге с засадой.

Вот и я решил: всё взять в свои руки, то есть не быть в чьём-либо распоряжении. Контракт со стабом продлевать не стал и уже месяц как я сам по себе. Оплатил комнату на три месяца вперёд. Средства позволяют, и если больше ни на что не тратиться, то потяну и полугодовую аренду. Но так далеко я планировать не хочу.

Раз в неделю выбираюсь на три-четыре дня на охоту. Достойного занятия я так и не нашёл: в компании рейдеров или трейсеров меня не звали, самостоятельно собрать отряд..., тут и мечтать нечего, таких компаньонов как в прошлый раз мне не найти, им не интересно, а на меньшее уже я сам не согласен. Вот и приходится в одиночку.

В одиночку тяжело. С отрядом Катрана было бы безопасней, да и оплата в случае продления контракта была бы значительно выше. В тоже время, полученный опыт говорил, что руководство может тасовать бойцов из отряда в отряд, пусть редко и совсем не намеренно, но может. И самое главное, это разговоры о близкой отставке самого Катрана, на прямой вопрос командир ответил утвердительно и всего через неделю после моего дембеля он тоже покинул службу. Старшим стал Петрович, а у меня-то с ним всё и расстроилось.

Если бегство из стаба было спонтанным, всё произошло настолько стремительно, что и опомниться не успел, то возвращались мы вполне буднично, никто нас не подстерегал, не караулил. Я вылез из электробуса сразу за КПП и ушёл, не прощаясь.

Мы вообще на обратном пути мало разговаривали. Настя очнулась примерно через час после проглоченной жемчужины и вот вокруг неё всё общение и выстраивалось. К слову, общались между собой исключительно девушки, мы с Личем помалкивали. Он только в самом

начале округлил глаза и всё, – будто язык отнялся. Ольга с Дарьей тоже оторопели, но никак не прокомментировали событие.

Настя же, ни то стеснялась, ни то робела перед нами, мужчинами, – бросая лишь виноватые взгляды в мою с Личем сторону. Обращалась исключительно к девушкам, благодарила за заботу. На первой же остановке они втроём собрались на задних диванах, а я занял место рядом с водителем.

Так и ехали: мы спереди в молчании, а они сзади негромко переговариваясь. Дорога домой заняла всего два дня и получилось обойтись без происшествий.

Оказавшись внутри периметра стаба, я напрямик направился к себе. Постучал и сразу сунул ключ в замок, с обратной стороны мне помогли, крутанув вертушку, – Петрович. Сосед перегородил собой раскрывшийся створ, замерев на пороге, крепко удерживая ручку двери.

Я даже не пытался его отстранить, просто легонько ткнул пальцем в середину живота и улыбнулся – был очень рад видеть своего приятеля, а по меркам Улья так и вовсе старинного друга. Однако Петрович не отступил и вообще замычал что-то невразумительное: «Эээ-э, Хват, привет, эээ-э, тут такое дело..., э...»

Ясно. Вспомнилось из прошлой жизни «дураков в банк не берут» – оборот что я использовал в своей речи и к месту, и не к месту. Сопоставив одно с другим, пришёл к немудрёному выводу – Люба. Раб своего желудка Петрович пал жертвой кулинарного искусства.

Похоже, он сам понимал всю глубину падения, поэтому и стоял идиотом: не в состоянии выдать из себя нужные слова, в то же самое время, не желая впустить меня в комнату, безнадёжно испорченную женским присутствием. Я представил себе дамские трусики и лифчики, развешанные ту и там, – поморщился. Вышло двусмысленно, потому что именно в этот момент подала голос, не слышанная мной до этого момента Люба.

Она распахнула дверь ванной комнаты, явив миру, и мне персонально, своё тело. К, примерно, двадцати годам Люба разбогатела туловищем изрядно, миловидная с курносым носом, большими серыми глазами на открытом лице, и светлыми длинными волосами, мокрыми после ванны, она не производила впечатления «роковой женщины». Девушка пискнула сакраментальное «ой» и запрыгнула назад, надёжно прикрывшись филёнкой двери. Дамские трусики в моём воображении превратились в женские труселя – огромные не имеющие размера и начисто протёртые в области того места, что называют «окошком».

Я улыбнулся, но у меня уставшего с дороги, а ещё неприятно поражённого на пороге собственного дома отразилось на лице нечто иное, совсем не доброе. Петрович твёрдо, хмуро и почти угрожающе бросил: «Жди».

Ещё чего?! Увешанный с ног до головы оружием, я всё своё добро просто не смогу унести.

В конце концов, уже после дембеля, я обосновался в новом персональном жилище: крошечной комнате, где из удобств был только электрический чайник, а всё остальное «в конце коридора». Плата в пять десятков горошин за месяц проживания показалась мне разорительной, но альтернативу в виде общежития пришлось отместить не раздумывая, – оброс я имуществом.

Пока отрабатывал контракт и ездил вместе с экипажем командира, то кроме нового, теперь уже блочного, арбалета брал с собой крупнокалиберную винтовку, что заимел в последнем походе. Че профессионально помог разобраться: в частности, с прицелом; и вообще, с работой и обслуживанием этого комплекса. Сборка-разборка, баллистический калькулятор, прицельная сетка – вся эта наука оказалась не такой уж и мудрёной. Че произвёл отстрел, объясняя какие поправки по высоте брать на большие дистанции. Я даже выстрелил пару раз на пятьсот и шестьсот метров, попал, но штатный снайпер отряда был безжалостен в наставлениях:

– Ты, Хват, раньше времени не обольщайся. Винтовка зачётная, но в нашем деле это лишь один из факторов и причём не решающий.

– А что решающий?

– Везение, что есть производное от такого понятия как техническая кучность.

Он сделал паузу в ожидании просьбы «разъяснить дилетанту мудрёность меткой стрельбы» и удовлетворившись степенью удивления на моём лице продолжил:

– Пуля, закрученная в канале ствола, какое-то время летит ровно, а потом начинает раскручиваться по спирали и для каждого боеприпаса есть значение вероятного отклонения на той или иной дистанции. Но это вообще не фактор, просто ты должен знать, что свыше семисот метров стрелять не нужно..., совсем не нужно, – не попадёшь даже неподвижному человеку в голову. Да и нет в стрельбе по неподвижной мишени особой доблести, и толку тоже никакого. Все твои цели наверняка будут двигаться, вот тут и требуются специальные навыки. На ста метрах проблем, конечно, не возникнет, всё начнётся примерно с двухсот...

Проблемы начались не то чтобы с какого-то количества метров, проблемы случились в принципе. Сложными оказались одновременно несколько вещей: найти прицелом мишень, чётко зафиксировать перекрестие на убойном месте и сделать это быстро, так как жертва может сместиться на столько, что для её сопровождения придётся тянуться за прицелом, постепенно перебирая ногами или неуклюже переползая следом за поворачиваемой на сошках винтовкой.

То, что с премудростями снайперского ремесла у меня всё сложится как надо, сомнений не возникало, а вот хватит ли ресурсов, этот вопрос становился всё актуальней и актуальней. За месяц я расстрелял почти весь запас патронов к своему крупному калибру и похвастать приемлемым результатом не мог, лишь однажды посчастливилось подстрелить удачно подставившегося топтуна, ещё дважды получалось попасть в аналогичных тварей, но оба раза недобитки уносили ноги, а я не спешил рисковать, преследуя их.

Вообще, вся концепция вооружения пошла прахом. В одиночку на коротких дистанциях опасны абсолютно любые заражённые, даже мелочь задавит количеством, даже дюжины бегунов может хватить если неожиданно со всех сторон навалются – выстрел из арбалета, потом пять патронов в револьвере и всё! Выхватывать и метать дротики, – это слишком много движений, даже один бросок не успею сделать. Идея с дротиками на практике оказалась полным бараклом, только такой жмот как я мог увлечься иллюзией, в которой заражённые будут набегать один за другим, а я их разить обычными кусками арматуры приговаривая: «В очередь сукины дети, в очередь». Эта погоня за экономией патронов и желание «по лёгкому бабла срубить», едва не стоили мне жизни.

Свой крупный калибр я переносил в кофре за плечами; на груди арбалет; в кобуре на поясице револьвер. Причём, к имевшимся пяти револьверным патронам я докупать ничего не стал, дорого.

Это все мои аргументы, плюс две пресловутые арматурины. Ни молоток, ни клевец я с собой не беру, в стремительной свалке получится ударить лишь раз – после чего вытащить инструмент из башки жертвы, замахнуться и ударить ещё раз не дадут. А так они или места за спиной занимают много, или цепляются за всё подряд, если вешать на пояс. Главным образом, нужно рассчитывать на уклонение от столкновения, на Дар свой рассчитывать. Обычно это работает, но накладки тоже случаются.

Я мчался сквозь безлюдный торговый центр к административному корпусу, чтобы с его верхнего седьмого этажа произвести призовой выстрел. Получилось так, что я скрытно следовал за огромным заражённым уже кое где нарастившим костяную броню, и собравшим внушительную свиту из пары обычных лотерейщиков и десятка бегунов.

Лёгкое беспокойство сопровождало меня всё это время. Свора перерождённых неспешно двигалась по проспекту, а я пытался отыграть пару минут, чтобы занять позицию и унять дыхание с колотящимся сердцем, – при упоре приклада в плечо пульсирующие толчки весьма ощу-

тимы. Нарастающую тревогу принял поначалу за реакцию на скорую развязку, всё-таки противник серьёзный, риск ожидается нешуточный, вот Умение и даёт о себе знать.

Нападение оказалось неожиданным, атаковали из темноты внутренних помещений. Силуэт показался мне неестественно большим и пришлось разрядить арбалет в обычного бегуна, только сформировавшегося из очень высокого парня, – за два метра ростом. В следующего метнул дротик, целился в середину головы, лишь контуром различимую в потёмках. Однако, в деформированной башке и мозги анатомически расположены уже по-другому, в результате дротик, пронзив насквозь голову, каким-то образом не упокоил нападающего на месте и уже через мгновение, на расстоянии в пару метров я мог рассмотреть вполне себе отъётого лотерейщика. В этой ситуации оставалось только отпрыгнуть назад, заваливаясь на спину и выдёргивая из кобуры револьвер. Целых три выстрела! Стрелял и плакал, – в стабе один патрон замкнутого цикла на 7,62 горошину стоит, а тут в какого-то замухрышку сразу три штуки выпустил. Мало того, но с придавленными трупом ногами оставшиеся два патрона пришлось расстрелять, вообще, в обычных бегунов. Пара выстрелов, бросок последней арматурины и я, освободив ноги, сумел перезарядиться, отбежав в сторону. Но навстречу, из полумрака появился такой доходяга, что и стрелу на него тратить жалко. Раздумывая чем бы приложить последнего из нападающих, чтобы и не тратиться, и не испачкаться – уже думал забить его кулаками, но вовремя взял себя в руки, – зашёл со спины и ткнул ножом в едва наметившийся споровый мешок. Пиетета перед почти девственными затылками я больше не испытывал, ткнул пустыша вполне хладнокровно.

Пиррова победа, то сражение которого лучше вовсе избежать. Патронов в револьвере нет, клевца и не было, дротики улетели, а заморачиваться с их поиском я не стану. Остались лишь два патрона к винтовке да полтора десятка стрел к арбалету, кинжал ещё. Всё, пора домой – продолжение охоты с такими активами больше похоже на авантюру.

Погружённый в мрачные мысли о ближайших перспективах я и набрёл на разгромленный конвой из нескольких грузовиков с парой бронемашин. Сгоревшие машины уже не дымили, значит прошло часов пять, может шесть; трупов нет, значит утащили с собой, скорее всего на разделку; отметины на броне только в бортах, сверху ничего не заметил, значит работали не внешники, а скорее всего муры. Настроение сразу улучшилось – хоть какой-то толк, в стабе будут рады информации о муровской активности. Далековато, конечно, – пешком напрямик почти сорок километров и район для администрации нашего поселения малоинтересный, но внешники и их прихвостни, это стратегический фактор во всех местных раскладах. Естественно, придётся посидеть и написать отчёт, только что ж поделаешь, – может удастся сторговать на эти сведения несколько патронов к винтовке или револьверу.

Глава 2. Стронги

Баян и аккордеон..., то и то гармошка, но почему-то говорят: «гуляли так, что два баяна порвали!» Про аккордеон такого не скажешь, камерный он какой-то, сродни органу. Или вот ещё..., шприц с каким-нибудь ширяловом тоже баяном обзывают, и тут опять аккордеон не влезает. Отличаются эти братья сущей ерундой – у одного кнопки, а у второго клавиши. И вот первый считается разудалым гулякой, весёлым крепким мужиком-богоносцем, а второй чопорным протестантом, правильным и занудным.

Эти двое могли быть братьями, но на самом деле являлись скорее копиями одного и того же человека, заброшенными в Улей из разных миров. Лично меня в этом убеждали имена парней: жизнерадостного звали Март, а угрюмого Дин. На ум сразу пришёл «Обитаемый остров» Стругацких, где Максима Каммерера аборигены звали на свой манер, переиначив имя одновременно и в фамилию – Мак Сим. Готов биться о заклад, что у прототипов «баяна» и «аккордеона» тоже было одно имя – Мартин, уж фонетически больно похоже если два этих имени произнести слитно, без паузы.

Мой доклад в комендатуре, как я и ожидал, закончился составлением подробного отчёта, в который я дописал постскрипtum с просьбой о вспомоществовании в размере десятка патронов калибра 12,7х55. А уже ранним утром имел возможность оценить приемистость местной бюрократической машины, когда сам хозяин забарабанил в мою дверь, причём весьма недовольный новым постояльцем из-за свалившихся на голову зажиточного горожанина несвойственных ему функций посыльного.

Мобильная связь в стабе по-прежнему отсутствовала, хотя и территория увеличилась, и людей на улицах стало ощутимо больше, а значит сотовый оператор вполне мог быть коммерчески успешным, – все попаданцы испытывали ломку в отсутствии привычного гаджета.

Я с максимально виноватым видом выслушал бульканье хозяина, невероятно тучного господина, оставившего в прошлом опасное дело междугородних перевозок и ведущего тихую жизнь рантье. И раз кто-то посчитал нужным переполошить такого уважаемого гражданина в шесть утра, то и мне следует проявить расторопность.

Всего через четверть часа, я сидел в кабинете неизвестного мне чиновника неизвестной мне административной службы. Хозяин кабинета не посчитал нужным представиться, а на двери информация исчерпывалась лишь цифрой «двадцать». Успокаивал тот факт, что происходило всё это в здании городской управы и вряд ли я стал объектом какой-то аферы.

Кроме чиновника, сидевшего за массивным «сталинским» столом, присутствовали ещё двое, обоих представил неназванный Хозяин: «Знакомьтесь, Хват, это Март и Дин», – он поочерёдно представил парней, устроившихся по разные стороны приставной части стола, также обтянутой зелёным сукном, как и стол самого хозяина кабинета.

Сделав усилие, подавил обычные для меня реакции – кивать в ответ на жесты говорившего, и готовое сорваться с языка «очень приятно». Скажу..., когда патронов забашляют, а пока нужно молча ждать развития ситуации.

Паузу возникшую после слов Хозяина прервал Март, он внезапно улыбнулся – будто маску нацепил, и поднявшись двинулся ко мне навстречу:

– Хват! Наслышан, наслышан... Тот случай, когда слава идёт впереди своего героя, – с этими словами, он заключил мою ладонь в двойное рукопожатие и вопросительно обернулся к собравшимся.

Человек во главе стола сделал приглашающий знак рукой и сам поднялся со своего места. Март, приобняв меня, сопроводил к столу, где усадил бок о бок с невозмутимым Дином, а сам уселся рядом с присоединившимся к нам Хозяином. У меня неприятно заныло под ложечкой, –

сейчас меня будут склонять к чему-то либо очень нехорошему, либо очень опасному. Тем временем Март продолжил:

– Ваши сведения о возможной операции муров представляются нам интересными, – теперь зануло почти до судорог в животе, – это так сказать, профиль нашей деятельности, сокращение поголовья подобных тварей.

«Баян» сделал паузу и все трое уставились на меня, ожидая реакции. Я реагировать не хотел, уже понимал куда ветер дует. Поэтому лишь неопределённо хмыкнул и постарался также неопределённо мотнуть головой. Фокус не удался, собеседники явно были настроены получить нужный им результат беседы, поэтому сигналы, задуманные мною как неопределённые, они стали трактовать как совершенно однозначные.

– Верно! Дело это праведное и мы вправе рассчитывать на помощь всех честных граждан Южного...

О, блин! Я не сумел чётко сформулировать мысль, но в уме крутился набор слов: «добровольно-принудительно..., проработка..., общественно-полезный...». Сделав усилие, я сбросил с себя это, казалось бы, позабытое уже чувство покорной обречённости, к которому нас приучали со школьной скамьи. Патроны, – вот что должно сидеть в моей голове основной мыслью, – два десятка крупняка, и столько же к револьверу, стрел ещё – пару дюжин, крепких с бронебойными наконечниками, тепловизор – маленький, на шлем закрепляемый...

–... вместе мы сила, и без труда сумеем отследить маршрут уродов, а затем раздавим гадов.

– Вчетвером? – я вынырнул из бриллиантового тумана и вернулся в разговор, где «Баян» впал в экзальтацию рыцаря Гроба Господня.

– Почему вчетвером..., – осёкся Март, – втроём.

Ах, ну да, Хозяин он на то и хозяин, чтобы администрировать, удалённо руководить, но я вообще-то спросил с иронией, ну или с сарказмом, а тут оказывается всё взаправду. Может всё же он шутит, – я взглядом обвёл присутствующих, никто не улыбается.

– Вы это серьёзно? Втроём напасть на базу муров? – я был обескуражен.

– Если найдём базу, то вернёмся за подмогой, а так мы поедем на место боестолкновения только провести доразведку и попытаемся отследить нападавших.

Вчера вечером, завалившись на кровать, едва ополоснувшись под душем с долгой дороги, я принял решение продать два из трёх имевшихся у меня «Винтореза» и на вырученные средства прикупить патронов, и если уж эти боеприпасы растрочу также бестолково, то солдату карьеру необходимо сворачивать, вновь нанимаясь на службу. Сейчас передо мной сидит Хозяин, он наверняка имеет отношение к рекрутскому набору и ответить прямым отказом будет политически неверно, надо отпетлять, затянув время.

– Мне нужно обдумать ситуацию и внести коррективы в собственную повестку, – как можно веселее произнёс я.

Хозяин отреагировал незамедлительно, как будто ждал именно такого ответа:

– Вот, – он вынул из бювара чистый лист бумаги, взял со стола ручку и передвинул их ко мне, – пишите в чём испытываете потребность, Вы патронов просили, можете добавить к ним ещё пару позиций и отправляйтесь на склад, – уже через двадцать минут вы должны быть в пути.

Я скосил глаза на Марта, тот следил за мной и дал требуемые пояснения:

– Сутки прошли после нападения, раз трупы забрали, то повезли потрошить основательно. В полевых условиях, качественно изъять можно лишь часть нужного, для правильной выемки некоторых органов требуются условия, инструмент и оборудование. Если повезёт, то накроём их тёпленькими, а нет, так проследим маршрут до самого заказчика, что тоже неплохо. Но выезжать требуется немедленно, по-доброму, это было нужно делать ещё затемно, перед самым рассветом.

Намёк понят, соскочить не удастся, значит возьмём всё что можно и даже сверх того. К намеченным патронам, стрелам и тепловизору, я добавил виденную в деле аэрозоль «Накидка» и медицинский спрей, моментально останавливающий кровотечение. Отпетлять не получилось, значит теперь, наоборот, нужно поспешить, чтобы не расстраивать планы профессиональных охотников.

Хозяин задержал взгляд на моём списке не более чем на секунду, затем зачеркнул позицию со стрелами, а напротив строчек с патронами красным карандашом поставил знак умножения и цифру «два», затем «на уголок» тем же красным наложил резолюцию «Выдать» и размашисто неразборчиво расписался.

– Иди прямо сейчас, получи и двигай к своему дому за вещами, транспорт будет уже там, – поднимаясь из-за стола, он глазами указал мне на дверь: «Свободен».

Глава 3. Массаракш.

1

Бонусы, это такие приятные штуки, которые некоторым кажутся халявой, подарком доброго дяди, в то время как на самом деле это обычная плата, просто в целях маркетинга выведенная за скобки в известной всем формуле «ты мне, я тебе». Но, чёрт возьми, приятно же ничего не делая, отгрести в карман целое состояние, баблище немереное.

Получив на складе вожделенные патроны и совершенно фантастическую экипировку, я был весел и старался не думать, что с меня потребуют взамен, не продешевил ли, может платой станет моя собственная голова?

Возле дома меня ждало ещё одно потрясение – машина стронгов. Эта штука отличалась от всего транспорта, виденного в Улье: никаких шипов, острых выступающих частей и граней, казалось, что у машины вообще нет линий, сведённых в угол, всё зализано, а обитаемая часть, к которой неприменимо вульгарное «кабина», вообще представляла из себя отдельную капсулу. Чёрная каплевидная она резко контрастировала с серо-зелёной колёсной платформой и казалась чужеродной деталью, грузом, уложенным на какую-то приземистую телегу, по капризу хозяина выструганную в стиле хайтек.

Форма автомобиля была настолько необычной, а цветовые решения удачно продуманными, что только четыре колеса и нахождение на проезжей части позволяли идентифицировать этот арт-объект как транспортное средство.

Моё удивление космической ракетой взмыло на невиданный уровень, когда часть капсулы стала прозрачной, позволив разглядеть лицо Марта и то как он делает приглашающий жест. Одновременно рядом, как будто машина не в пяти метрах, а прямо возле меня, раздался его спокойный голос: «Хват, поспеши, время уходит».

Времени на сами сборы ушло меньше, чем на «подняться к себе» и «спуститься к машине». Пока я бегал туда-сюда, меня полностью, что называется с головой, вытеснив иное, захватил поток мыслей: «Я хочу в Высшую Лигу, хочу такую же тачку, собственный дом, садовника филиппинца и личную массажистку».

Опомнись я уже за границей периметра. Машина на очень большой скорости, также бесшумно как электромобиль Лича, неслась в указанном мною направлении, а я с явным опозданием задумался о своих попутчиках, – с кем же я покатыл навстречу опасностям? Невольно вспомнились распекаания Катрана, при первом нашем разговоре, состоявшемся после моего возвращения из похода за белым жемчугом.

– Как тебя вообще угораздило связаться с этой компанией? Ты вообще кто был в прошлой жизни? Герой – смелый отважный, король монитора и осквернитель Дуньки Кулаковой? – командир говорил ровно без нервов, но я ощущал его злость и досаду, – С людьми общаться не пробовал, спрашивать, прозванивать контакты? Я был уверен, что всё, – кончился Хват.

– Катран, я не совсем понимаю, к чему это всё? Экспрессия и вообще... – я действительно был изрядно фраппирован и недоумевал, с чего это так командира пробрало.

– Компания, с которой ты отправился на охоту, это сплочённая команда наёмных убийц. Они, правда, не работают по этой теме уже больше года, но раньше страху на соседей нагоняли, будь здоров. Штатный киллер стаба с группой прикрытия и разведки.

Вот блин, ведь я же чувствовал в них нечто такое..., душок какой-то.

И вот теперь я вновь «не прозвонив контакты», полез в очередную авантюру. На часах ещё не было семи утра, то есть в считанные минуты я, свободный человек, позволил себя захомутать и сам вприпрыжку побежал засовывать голову в пасть ко льву. Молодец! А патроны? У меня же теперь целая куча патронов. Да, патроны, это аргумент. Я принялся набивать магазины к винтовке и снаряжать мунклипы к револьверу.

Заново обрётённая способность трезво рассуждать, так сказать, критически мыслить, позволила всё же расспросить стронгов об их интересе в этом рейде. Отвечал естественно только Март:

– Догнать их надо и покарать, нельзя чтобы эта зараза безнаказанно расползалась по Стиксу, кто-то должен их сдерживать, давать отпор. Стабы, с их местечковым, хуторским «моя хата с краю» похожи на стадо баранов, которые нагуливают жирок в ожидании, когда придёт пастух и зарежет одного из них на мясо, и каждый молится: «...лишь бы пронесло на этот раз». А мы другие, мы не ждём, мы сами идём к пастуху, чтобы выпустить ему кишки.

Я притих. Не то, чтобы я осуждал такую агрессивную точку зрения, просто относил себя к «хатакрайникам», тайно, конечно, сознаваясь в этом лишь самому себе. Я не хотел воевать, карать и сдерживать, – я хотел массажистку.

Удовлетворившись полученным ответом, и немного успокоившись, принялся изучать дивный автомобиль изнутри. Сразу бросилось в глаза отсутствие руля, вместо привычного органа управления движение контролировалось джойстиком. Расположенный между двумя передними сиденьями он позволял осуществлять управление любому из впереди сидящих. Собственно, джойстиком эту штуку можно назвать лишь условно, скорее шар управления. Вёл Дин, всей пятернёй обхватив верхнюю полусферу. Наблюдая как напрягались и расслаблялись разные области его кисти, и сопоставляя это с реакцией автомобиля, можно было понять общий принцип вождения. Надавливание пальцами на переднюю часть полусферы соответствовало нажатию педали акселератора, а торможение осуществлялось контактом запястья с задней частью. Повороты и подруливания производились соответствующими поворотами джойстика или нажатиями на боковые сегменты полусферы. Причём повороты самого джойстика разворачивали полностью всю переднюю балку, а степень усилия, прикладываемого к боковым поверхностям, регулировался угол поворота непосредственно самих колёс. Привычная торпеда отсутствовала, и полностью прозрачная капсула обеспечивала обзор, исключаящий какие-либо мёртвые зоны.

Машина со всеми своими наворотами наверняка напичкана электроникой, и кто-то из парней должен обладать Умением противостоять Черноте. По всему выходит, что для меня такая машина совсем не вариант.

Дин гнал очень быстро, больше сотни, и то расстояние, что накануне потребовало от меня целый день, мы пролетели за полчаса. За это время стронги показали, на сколько могут быть эффективны их действия.

Несколько раз наш экипаж пытались атаковать заражённые. Обычно Дин только поддавал газку, не оставляя шансов бросавшимся наперерез монстрам. Но дважды, ему всё же пришлось обратиться к своему Дару. Оба раза Март без слов перехватывал управление, а Дин застывал в своём кресле запрокидывая вверх голову. Нападающие как бы сбивались с шага, спотыкались и теряя равновесие врезались со всего разбега в землю, поднимая вверх клубы пыли и разбра-

сывая в стороны комья земли. И это были совсем не рядовые твари, а особи, откормившиеся до руберов, во всяком случае, габаритами они вписывались именно в эту часть классификации.

Март по факту каждой атаки расспрашивал меня об ощущениях, я отвечал, а он довольно хмыкал. Действительно все нападения предварялись возникновением тревоги и по мере набегания очередного заражённого ощущение угрозы нарастало, но ни разу не доходило до тех значений, где рука непроизвольно начинает сжимать оружие, – мой Дар каким-то образом учитывал уровень спутников, и наверно, руберы для них не представляли серьёзной угрозы.

Нужное место я узнал издалека: приметная заправка, затем городская застройка в отдалении и наконец нужная развилка, за поворотом одного из съездов которой и произошёл разгром колонны.

На месте мы с Мартом пассивно наблюдали, как Дин сперва ходил среди расстрелянных машин, затем решительно вернулся и скомандовал: «Поехали».

Дальше ехали молча, лишь в самом начале Март объявил: «Теперь, Хват, на тебя вся надежда, как только почувствуешь их, немедленно говори».

Почувствуешь их! Я же предупредил, что чувствую не людей, а угрозу. Это похоже, он по привычке, – судя по всему, Дин ощущает чужое присутствие или его следы, вот его партнёр и оговорился.

Ехали также быстро как до этого, Дин уверенно вёл машину, что было похоже на бег собаки натасканной идти по следу. Спустя десять минут и примерно столько же километров, я ощутил ровный сигнал, уже хорошо ассоциирующийся с групповой целью, – несколько равных по силе источников угрозы, каждый из которых становится то менее, то более опасным по совокупности формирующих единый ровный сигнал.

Я объявил о контакте, за что каждый удостоил меня взглядом: Март обернулся с одобрительной улыбкой; Дин впервые посмотрел заинтересованно, но и то, лишь в зеркало заднего вида.

Территория вокруг нас хранила следы хозяйственной деятельности человека, но все выстроенные объекты были заброшены ещё до переноса этой местности в Стикс. Некоторые строения были брошены недостроенными, – их разбитые окна на первых этажах наличествовали наряду с голыми, не знавшими обсад, оконными проёмами верхних уровней. Наверняка, это было что-то промышленное, промзона: бытовки, сваленный в кучи различный хлам, бетонные секции заборов, отрытые ямы. Наша дорога терялась в этих нестроениях.

Подробной карты местности мы не имели, лишь общий план кластеров с режимом перезагрузок и теперь необходимо было сориентироваться в окружающем пространстве.

Я обернулся едва мы отошли от автомобиля и вновь подивился сплаву практичности и элегантности. Пассажирская капсула перестала быть абсолютно чёрной. Применение, как я для себя объяснил, какой-то жидкокристаллической технологии позволяло придавать её поверхности любой цвет и даже делать прозрачной. Теперь, благодаря хитрому узору, правильная эллиптическая форма визуально разрушилась, и капсула потерялась среди окружающего бедлама и хаоса.

С определением направления поиска вопросов не возникло, понятно, что муры засели где-то дальше по дороге, оставалось лишь скрытно к ним подобраться. Опираясь на моё ощущение опасности и укрываясь среди развалин, наш отряд занял позицию в одноэтажном недостроенном корпусе какого-то производства.

Впереди, менее чем в двухстах метрах, находилась наша цель, – я остро ощущал угрозу, а Дин смог почувствовать близкое присутствие людей. В действительности же перед нами высилась лишь кирпичная стена, некогда окрашенная в белый цвет, а ныне неряшливо облупленная и ничем не выделяющаяся на фоне общего уныния. Ни окон, ни дверей и больше сотни метров по пустырю, где ноги переломать, – раз плюнуть. Такая диспозиция мне, в отличие от парней, показалась сомнительной.

Тем временем, они, быстро обойдя ближайшие помещения, притащили старое кресло, водрузили его в центре зала имеющего выходы на обе стороны здания и оба усадились на меня. Ожидаемо первым заговорил Март:

– А ты, Федя, что ты там жмешься возле почек?

Я действительно стоял у выхода в ожидании продолжения разведки с поиском удобного плацдарма. Атаковать противника с нынешнего рубежа мне казалось нерациональным, по крайней мере, стоило поискать более подходящие варианты.

– Атака не твоя забота, ты свою миссию почти выполнил, подстрахуешь только на зачистке, – Март отмахнулся от озвученных мною сомнений, – Вздор! Там обычная команда бессмысленного рыжего мяса, особо развитых иммунных не предвидится. Долбанём им по мозгам хорошенько и повяжем весь этот сброд.

Стронг давал мне пояснения, одновременно опустошая свой штурмовой рюкзак: белое махровое полотенце, упаковка влажных полотенец, фляга в мягком чехле, связка пластиковых наручников.

Между тем, Дин, раздевшись до пояса, обмотал бёдра «мартовым» полотенцем прямо поверх штанов, занял место в найденном кресле и закрывши глаза запрокинул голову. Поза эта мне уже знакома по ментальным атакам против особо притких заражённых.

Не прошло и минуты, как из носа менталиста хлынула кровь. Мгновение, и поток также внезапно прекратился, а Дин открыл глаза. Товарищ сразу же подал ему флягу. Дин надолго припал к горлышку, с усилием поднялся и тихим усталым голосом сообщил результат атаки: «Минут пять гарантировано, один на воротах, второй по центру двора, остальные в большом помещении слева от въезда».

От этих слов в глазах Марта разгорелся огонь, парня охватил боевой азарт. Продублировав короткое «за мной» приглашающим жестом, стронг стянул с плеча автомат и решительно вышел во двор.

Две минуты бега на пределе сил и мы во дворе базы противника. Ворота заблокированы пикапом с развёрнутой в сторону дороги зенитной установкой. Оператор без сознания лежит в кузове. Март протянул мне пару стяжек, сам перебрался через борт и показал, как вязать пленных. Затем распорядился притащить того парня, что должен был находиться в центре двора где стояли ещё четыре внедорожных пикапа. Напутствие «не церемонится особо», мой командир сопроводил примером, перевалив бесчувственное тело через борт и сбросив на землю, даже не пытаясь его придержать во избежание весьма вероятной травмы. Именно в этот момент у меня появились самые нехорошие предчувствия.

Пока тащил «своего» мура, подъехал Дин, он уже полностью восстановился и тоже принял участие в сортировке пленных. То, что дело это ответственное, стало понятно из простого факта персонального обращения ко мне обычно немногословного менталиста:

– Прошло больше пяти минут, тех кто не пришёл в себя под нож, толку от них всё равно не будет, – новички.

Их было двенадцать. Двенадцать живых, один закован в наручники – пленник, то есть, собственно муров было одиннадцать человек. Большая часть находилась в отключке – этим просто резали глотки. Ходили по двору и помещениям, выискивали людей и резали, – натуральным образом как вырезают кусок мяса из туши добытого на охоте зверя. Считается, что человеку достаточно на горле перехватить сонную артерию или ярёмную вену, но это Стикс и резать нужно качественно, желательно с полным отъёмом головы. Поэтому парни работали со всем тщанием. Я лишь смотрел, – потерялся я в этой ситуации. Думал, что оказался в компании «хороших парней» и совершенно не ожидал буквального толкования фразы «резать пастуха».

Очередного мура подавшего признаки жизни, Дин приложил ребром ладони по шее, и второй раз за всё время знакомства обратился ко мне лично:

– Тащи его в разделочную, там дознание проведём ..., только не забудь пристегнуть его чем-нибудь. Эти что очухались не простыми будут, должны что-то знать.

В комнате с железными столами, средств фиксации и удержания имелось в избытке. По всему выходило, что резали здесь не только трупы. Наручники, вывешенные в ряд на одной из труб явное свидетельство тому, что не менее десятка пленников закончили своё существование в этой комнате порезанными и расфасованными по пакетам, частью по мусорным, а частью по стерильным медицинским.

Спустя пять минут все были в сборе: стронги, мурь и пленник, его так прикованного вместе со стулом и приволокли, даже кляп изо рта не вынимали. Вернее, назад вернули. Март вернул, сказал, что потом с ним разберёмся, а пока нужно прояснить важное.

Прояснять стали дико. Мне потом не верилось, что оказался пусть невольным, но соучастником. Новоиспечённых пленников не избивали, не рвали ногти и не пытали током. Ведь подобные методы не нарушают общей целостности организма, тем самым палачи посылают сигнал истязаемым: «будешь хорошо себя вести и всё станет как раньше, – синяки заживут, а ногти новые вырастут, ну а не вырастут, так и не особенно они нужны».

Стронги не собирались посылать мурам никаких сигналов. Первого из них усадили на стул, прихваченный пластиковыми хомутами к одному из разделочных столов. Ещё четверых оставили на полу прикованными наручниками к трубе отопления.

Дознание проводилось в виде экспресс-допроса, при этом складывалось ощущение, что вопрошающего не интересует достоверность ответов, он как будто вообще их не слышал. Всё говорило за то, что вопросы задаются для проформы, как вербальное сопровождение главного процесса – истязания, причинения боли. Пытка, ради самой пытки, ради мучений жертвы. Как оказалось, эта отрешённость является частью психологического давления, а то насколько естественным было поведение дознавателей говорило о колоссальном опыте в подобных делах.

Вначале на кафельный пол упали уши допрашиваемого, пленник зашипел от неожиданного и резкого разреза, боли от ножа в своём теле он пока ощутить не успел.

Один из прикованных зрителей поморщился и отвёл взгляд. Март и Дин, казалось, ждали подобной реакции и оба не сговариваясь подскочили к бедолаге. Март, навалившись, зажал голову жертвы, а Дин ловко, в пару движений сработал ножом. Стронги отскочили назад, а их клиент заорал. Крик превратился в визг, голос срывался и казалось, что человек переходит на недоступный для голосовых связок ультразвук. Глаза его были широко распахнуты, он теперь вообще не мог их закрыть, – Дин отрезал ему веки.

Пытка вновь вернулась к сидящему на стуле, наступила очередь вопросов:

– Стаб, расстояние до него, численность, и чьих будете, на кого из внешников пашете?

– Мы при базе, двести нас... человек, то есть иммунных и перцев ещё..., то есть имперцев, внешников. Пятеро..., с нами их пятеро и на базе ещё... Не знаю, охрану видел, но только один пост. Их много... постов... и людей. Камеры, дроны, мины.

Март ударил ножом в плечо, парень вскрикнул и дёрнулся. Март надавил, – парень задышал глубоко, преодолевая боль, но орать побоялся.

– Я спросил о расстоянии до вашей дыры. Будь очень внимательным, вопросов впереди ещё очень много.

Март опять приложил усилие и двинул нож вниз, раздвигая плоть. Испытуемый закричал. Строг выдернул клинок и обернулся ко мне:

– Хват, спрей что ты получил на складе, с биоклеем..., – он в требовательном жесте протянул раскрытую ладонь.

Я не смея возражать, шокированный происходящим принялся руками охлопывать разгрузку и нащупал нужный аэрозоль, – всё никак не привыкну к наличию в моей поклаже этой ценной штуки.

Март, обогащая мои познания в полевой медицине, продолжал: в два движения ножа, спорол рукав униформы мура в том месте, где нанёс удар; срезанным рукавом, сильно надавливая, дознаватель вёл по ране сверху вниз, пережимая сосуды, кожа вокруг белела, и кровь не успевала заполнить место разреза. Март направил на очистившуюся рану струю биоклея, тот шипел, соприкасаясь с повреждёнными тканями, формируя шов.

– Видел? – обратился он ко мне, – ты ведь вряд ли пользовался такой штукой, технология редкая и очень дорогая. Давай, попробуй.

Стронг глядел на меня, протягивая баллон. Я замотал головой. Судя по всему, вид у меня был лишённый даже намёка на энтузиазм, что он и прокомментировал:

– Зря. Нужно точить скилы, если самого зацепят, всё будет непросто, а кровотечение лучше закрыть быстро. Давай..., на этих кадаврах можно..., даже нужно, они с нашим братом не церемонятся.

Я сделал шаг назад, Март это расценил как ответ, улыбнулся и предоставил возможность сбежать:

– Тогда, будь добр, принеси песка. Возьми ведро, и натаскай побольше.

Я сразу испытал облегчение, без команды мне даже мысль такая «сбежать» не приходила в голову, я стоял не в силах отвернуться от зрелища кровавой расправы. Поддавшись внезапному порыву, я вновь озабочился судьбой парня с кляпом во рту:

– А этот? Может я его заберу, зачем ему тут?

– Нет, пусть на глазах будет, мало ли что это за казачок.

– Я присмотрю...

– Пусть сидит, – резко перебил меня Дин, чем поставил точку в попытке окончить мытарство этого бедалаги.

Оказавшись снаружи, я лишь перевёл дух, что-то влекло меня назад, наверное, манила жестокость стронгов, – как далеко способен зайти человек в истязании ближнего?

Далеко. На стенах висели прикрепленные к гвоздям длинные нити сизых кишок. Трое распотрошённых были живы и таращились на собственные внутренности.

– Правда на космонавтов похожи? «Выход в открытый космос,» у меня марка такая была в детстве, – Дин преобразился, его лицо перестало быть безжизненной восковой маской, наоборот дышало, ещё недавно красное пылающее азартом, теперь оно было румяным и стала очевидной их с Мартом идентичность.

Баян и аккордеон..., их совместное музицирование повергало в шок, в этой мелодии не было ничего стройного и рационального. Диссонанс-напряжение без всякой перспективы разрядки, настойчиво давило на психику с финалом неизбежного безумия – чёрт вас дерит, воины Света, псы-рыцари, чокнутые фанатичные садисты.

Глава 4 Худой

Принесённым песком засыпали лужи крови на полу, я ещё трижды бегал за ним во двор. Из двух оставшихся муров один сошёл с ума и его застрелили, а второго, как ему и пообещали, за откровенность оставили в живых, только не стали размыкать наручники, – захочет, как-нибудь освободится.

Полученная информация чем-то была важна для стронгов и они в спешке покинули разгромленную базу. Март напоследок предложил присоединиться к организации народных мстителей:

– Айда к нам. Мы с Дином обычно не берём никого, но ты другое дело, твоё умение нам очень подходит и делает группу на порядок эффективнее. В стабе что? Злого духа в штаны пускать, а тут при настоящем деле. Да, бывает порой опасно, но зато можешь быть уверен, что рискуешь не за пару гнилых споранов, а за достойную идею, – людей защищать. Что может быть благороднее чем отдать жизнь за други своя. К слову, «отдать жизнь», это фигура речи, не по зубам мы для сброда из алкашей и уголовников.

Мой отказ он принял за малодушие, что стало понятно из его «хм», поджатых губ и презрительного взгляда.

Стронги уехали. Парень пленённый мурами оставался в сознании и даже не обмочился от пережитого. Молодец, я бы не сдержался, одно дело, когда страшно, но ты можешь активно противодействовать, и совсем другое, когда ты скован и не можешь ни убежать, ни защититься. Сознание требует что-то предпринять, вот организм и реагирует.

Я не думал брать его с собой, просто разомкнул наручники. Тот, растирая руки, пошёл следом, благодарил.

Надо проверить муровские машины на предмет какой-либо поживы и побыстрее убираться отсюда. Парень почти сразу заныл:

– А можно мне пойти с Вами?

Особого желания тащить с собой обузу не было, но насмотревшись на мясницкую работу стронгов, хотелось как-то очиститься, отмежеваться от кровавой расправы.

Беглый осмотр тачанок не принёс прибыли, парень потащил было из кузова бесхозный «Калашников», но вздрогнул и сразу бросил его, нервно отреагировав на мой окрик «Эй, там».

Угрозы от бывшего пленника не исходило и автомат я не позволил взять исключительно из-за грохота обычного армейского убивальника, – нужно что-то тихое ему подобрать. Перебрав все возможные варианты, вручил новоиспечённому партнёру трофейный клевец. Ну, не собственный же арбалет ему отдавать! Из винтовки я и сам не очень, а он подавно не справиться – патроны только переводить. Револьвер мне просто жалко давать в чужие руки, есть в нём что-то личное. В общем, пусть сперва с палкой походит как все остальные, нечего баловать молодого.

Мы двинулись в обратный путь. Рассудив, что наша езда по шоссе привлекла к этому удобному маршруту внимание достаточно крупных заражённых, я выбрал обходную дорогу, по широкой дуге огибающую кратчайший путь к стабу. Путешествие мне казалось не особенно опасным, лишь в двух местах предстояло пройти вблизи «свежих» кластеров. Но я настолько привык доверять своему Чувству, что не особенно опасался за нашу безопасность, и планировал, поддерживая бодрый темп, уже в середине завтрашнего дня добраться до Южного.

Первые часы нашего марша больше походили на прогулку по безлюдным просторам сельской глубинки с затрапезного вида строениями вдоль дорог. Развлекались беседой, я и забыл уже, как это делается, – болтать на отвлечённые темы.

– Работаю..., вернее теперь уже работал, на складе грузчиком с девяти до шести, в субботу до двух, летом до трёх бывает. Когда клиента нет, заняты другим: товар считать; лаги

или кровельный лист режу, грунтую, крашу или счищаю ржавчину; зимой снег... Образование среднее. Высшее военное училище МВД бросил. Потом сильно пожалел, поступил на первый курс, смотрю: «гоняют шибко». Нафиг, думаю. Потом в армии оказалось в разы хуже. Поваром ещё работал. Люблю готовить. В Москве работал..., пиво продавал. Хорошие были времена, штук 15-20 кегов продавал в день...

Обычный нормальный парень, без нескромных претензий и презрения ко всем вокруг. Если ещё и дар какой ценный проявится, то вообще цены ему не будет, – вон, когда муров резали, каким крепким оказался.

Я повторил ему ту лекцию Хилера, о каждом третьем иммунном с психическими отклонениями. Парень замолчал. Через пару минут мне показалось, что как-то уж больно нарочито, вызывающе он молчит. В негодовании я остановился и развернулся к этому сопляку:

– Ты что думаешь, и я тоже с отклонениями?

Тот испуганно округлил глаза и замотал головой, я спохватился, что как-то совсем уж злобно зарычал на пацана. Просто мне самому не по себе после пережитого вот нервишки и шалят.

– А зачем Вы с ними пошли?

– Не зачем, а почему, и вообще, как ты, надеюсь, сумел заметить, дороги наши разошлись, – не с ними я.

– Аа-а, понятно, я уж подумал, что вы заодно. Похожи Вы с ними очень, все трое тихие, холодные.

Я не стал отвечать, – холодный. Не сказал бы так о себе, всё "впереди поезда" выходит, всегда нужно контролировать себя, иногда и не получается вовсе. Вот чего я дёргался с этим рапортом, только ведь дожидаться утра и не пришлось бы никуда ехать. Да и на допросе, учинённом стронгами, с одной стороны – не выдержал картины истязаний, а с другой – даже не попытлся урезонить садистов. Всё же к такой кровавой бане я не готов пока. Понятное дело, что рано или поздно всем приходится пройти через нечто подобное, место здесь такое, до крови жадное.

Воспоминания о собственном малодушии не оставили от бывшего благорастворения ни малейшего следа. Может этому хмырю новое имя-погоняло дать? Хулио! Прекрасное для этого доходяги имя. Останавливает лишь то, что я это со зла, ну, эмоции во мне возобладали. Так не годится, потом может не один раз боком выйти: во-первых, сам носитель «гордого» имени может или обиду, а глядишь и вовсе злобу, затаить; во-вторых, я позже наверняка жалеть буду, раскаиваться, что так подгадил человеку. А копания в себе вредны, начнёшь сам с собой спорить, увлечёшься диалогом и прозеваешь «вспышку справа». Потом можно и переименовать конечно, заново окрестить, но поэт точно подметил: «клеякий ярлык как отметка на лбу». Положим переназову его нейтрально – Худой, но ведь всё равно нет-нет, да кто-нибудь из вредности ляпнет «худой Хулио». Людям нравится упражняться в искромётности своего юмора. Поэтому пусть ходит «как есть», буду по-прежнему звать его «ЭйТам».

Мрачные и недобрые мысли были прерваны удачно-неожиданно проснувшимся чувством опасности. Я резко остановился, а мой спутник по инерции сделал ещё несколько шагов.

Противников оказалось двое, но эти двое весьма опасны даже по меркам Улья – те, кого заслуженно называют жрачами. Развитые твари, от которых без оружия или техники не спастись, да и то – требуется изрядная доля везения, чтобы новичку пережить встречу с подобной напастью. Заражённые прошли уже глубокое перерождение, человеческие зубы сменились новыми более массивными и крепкими, тела с невероятно гипертрофированными мышцами давно лишились любых остатков одежды. Тем не менее эти два экземпляра разительно отличались между собой: первый, значительно крупнее собрата и более продвинутый по шкале опасности, изменения затронули даже его опорно-двигательный аппарат, ещё без характерной для топтуна фрагментарной биологической брони, но явно в шаге от того чтобы обзавестись оной;

второй, лишь недавно окончательно потерял человеческий облик и выглядел менее опасно, к выдающимся габаритам и мускулатуре явно не доставало длинных и острых когтей, таких как у лидера этого дуэта. Различие в развитии и определило рисунок предстоящего боя. Подпустить лидера поближе и уложить его арбалетным болтом, благо он на своих трансформированных ногах оторвался от менее прыткого партнёра. Второго получится поразить дротиком: выпустить из рук арбалет, а затем слитным движением выхватить из запяточного чехла и метнуть в голову лотерейщика остро заточенную арматуру.

Первая тварюга уже совсем близко. Парень, что поначалу мужественно занял оборонительную позицию там, где и остановился, то есть на пару метров впереди меня, начал пятиться.

Какой по счёту будет для меня эта схватка? Пожалуй, уже в районе третьего десятка, а может и больше... Я абсолютно спокоен, слышу удары собственного сердца, бьётся ровно, – в руках не дрогнет арбалет. Четыре метра до цели..., глаз самое убойное место..., щелчок спуска и звонкий удар тетивы сливаются в единый звук. Стандартная ситуация и стандартный результат, стрела пробила голову насквозь и вылезла половиной наконечника из затылочной кости, – всё же крепкая у топтуна башка, стреляй я не в глаз, а в лобную кость, то и неясно пробил бы или нет.

Туша заражённого по инерции пролетела оставшиеся метры, заставив нас отпрыгнуть в разные стороны. Обрывком промчалась мысль: «Вот бы Второй бросился на Худого», но я вижу, что летит он на меня, и уже ни за что не успеть, как следует приложить его дротиком. Арбалет отброшен в сторону, я быстро-быстро перебираю ногами, отбегая назад в попытке выиграть лишнее мгновение. Метнуть-та я успеваю, а вот разогнать снаряд..., это скорее будет удар с замахом, если у твари есть хоть немного интеллекта, и она сподобится выставить блок, то быть беде. Но это вряд ли, скорее всего мой бросок отвлечёт уроды и даст мне возможность выхватить револьвер, а эта штука – Аргумент!

Всё это мелькает в голове почти единой картинкой. Бывает такое ощущение, что мозг формирует сразу, одновременно, несколько мыслеобразов и то, что в обычном режиме занимает секунды, а то и минуты размышлений, теперь проносится словно в многоядерном процессоре, – одним миготом. Не успев сделать бросок, разрываю дистанцию, это Худой, которого я уже вынес за скобки сражения, с разбегу ринулся во фланг атакующему монстру. Как с трамплина оттолкнувшись от туши поверженного топтуна он прыгнул, вбивая трофейный клевец в голову врага. И у него почти получилось, только удар пришёлся совсем не в убойную зону. Раздробив лицевую кость, оружие даже не оглушило противника, но заставило на мгновение переключиться на новую цель. Врезав наотмашь левой лапой, заражённый отправил обидчика в полёт на добрые три метра. Возникшей заминки мне было более чем достаточно и хорошенько вложившись в бросок я поразил обречённого лотерейщика, тот как раз в момент удара повернулся боком и дротик прошёл навывлет, – всё же височная кость самое слабое место черепной коробки.

Я ликовал, бой обещал богатую добычу, а мы не понесли серьёзных потерь. Худой копошился где-то за телом топтуна, пытаюсь подняться. На мой вопросительный окрик, он только замычал, – понятное дело, такой удар пропустить. Но жив, а остальное лечится. Главное патроны не пришлось тратить, лицо моё непроизвольно расплылось в улыбке, я потянулся всем телом, посмотрел на солнце и смачно, от всей души, чихнул.

Всё же хорошо, что я взял этого парня с собой: «Если с другом буду я, а медведь без друга»². У меня ведь было ощущение неправильности одиночного шляния по кластерам, чертвато это. А теперь, я обучу Худого стрельбе, сам буду корректировщиком. Вот только прицел нужно раздобыть специальный: мощный, с большим полем зрения, дальномером, тепловизором и с чем ещё там..., даже не знаю. Штуки такие редко попадаются, на винтовку его не поставишь, ведь даже в прежнем мире приборы эти не получили широкого распространения.

А снайпером я не хочу быть, не моё это, – сердце очень мощно бьётся, пульс ощущаю и в прикладе, и на конце пальца указательного, когда держу его на спуске.

– Такому палец в рот не клади!

Худой, держась за ушибленный бок, ошарашенно смотрел на пасть, застывшую в жутком оскале. Клевец так и торчал из морды поверженного монстра.

– Такому в рот ничего не клади. А вон тому, – я кивнул на топтуна, – Вообще без разницы что харчить, худого пацана, или толстенную кирпичную стену, зубы не ломаются и не тупятся. Единственно, что если стена очень толстая, то не станет он сквозь неё ломиться, понимает, что долго это и с энергетической точки зрения не целесообразно.

Добыча оказалась не ахти, пять споранов, четыре плюс один, – жиденько. Я рассчитывал ещё и на горошину сверху. Это хорошо, что патрон не пришлось тратить, а то настроение было бы испорчено надолго. Потрошение спорового мешка старшего заражённого я доверил новичку, и когда тот не обнаружил заветного жёлтого шарика, то сам запустил руки в серую массу и самым тщательным образом просеял её сквозь пальцы, – ничего.

Глотнул живца и автоматически протянул флягу Худому, тот тоже сделал глоток. Ещё сокрушаясь о несбывшейся надежде, я всё же обратил внимание на вполне здоровый вид напарника. После базы муров обычная доза не принесла парню нужной бодрости, и не без удивления я окончательно привёл его в чувство лишь глотком уксусного раствора более редкого спорового тела. А тут, самая что ни на есть стрессовая ситуация, и он особо не нуждается в допинге, – очень странно. Недоумение было настолько глубоким, что в задумчивости я даже перестал печалиться о упущенной выгоде, и вернулся к действительности лишь потревоженный этим странным типом:

– Мне кажется, что опасно вот так запросто идти по дороге у всех на виду, как Вы думаете?

На «Вы» это приятно, есть в подобном обращении что-то... подобострастное, особенно когда в ответ бросаешь снисходительное «ты». Признаться, где-то в глубине души я понимаю, что эта удовлетворённость выдаёт собственное латентное чинопочитание, готовность пресмыкаться перед сильными, но ничего с собой поделаться не могу. Хотя почему не могу, – очень даже могу:

– Знаешь..., дружище, выкать будешь девкам в борделе, они любят такое, а ко мне обращайся по прозвищу и на «ты», – О! Как сильно сказал, – На счёт дороги, суждение твоё неверное. По торному пути двигаться гораздо быстрее чем по целине. На кластерах траву никто не косит и за месяц или даже два она вымахает минимум по пояс, там и идти тяжело, и невидно ни черта, а самих нас легко обнаружить по колышущейся траве.

Однако, зерно сомнения было брошено на благодатную почву, я и сам опасался проходить через населённые пункты по сквозным магистралям, но порой, например, сейчас выбирать особо и не из чего. Взглянув на карту, прикинул альтернативу: срезать несколько километров пути через лесной массив с небольшой точечной застройкой в самой его середине. Судя по карте ни болотин, ни речушек с оврагами там быть не должно, а беглый визуальный осмотр стены леса, виднеющейся неподалёку, окончательно убедил двинуться именно в этом направлении, – высокие сосны, это наверняка бор, ходить среди коричневых великанов, источающих на жару терпкий аромат, сплошное удовольствие.

Едва мы двинулись, где-то за спиной на приличном расстоянии раздался выстрел. Худой посмотрел на меня, в глазах мелькнул испуг. Хороший рефлекс, заражённых он не испугался, а вот присутствие вооружённого человека по близости явно взволновало недавнего пленника. Не прошли мы и десяти метров, как выстрел повторился и почти сразу прозвучала целая серия коротких, по два выстрела, очередей.

– Кто-то нарвался на заражённых, – я решил немного успокоить напарника, – Судя по всему один, а раз грохочет автоматом, то либо из «свежих», либо отбил от своего отряда.

– Может поможем? Там его прижали видно.

– И чем же мы ему поможем? – я усмехнулся, – В рукопашную попрём, жопой монстров убивать? Пока добежим до него, там соберётся весь окрестный зверинец, и если чувак не сможет отбиться с «Калашниковым», то мы лишь разнообразим меню.

Треск выстрелов постепенно слабел, мы забирались в глубь леса. Высокий светлый бор быстро сменился опушкой с густым сосняком, сквозь который пришлось буквально продираться, за этой преградой выстрелы стали почти неразличимы.

Худой плёлся с кислой миной на лице, конечно, надо бы по-жёсткому разъяснить, кто есть кто в этом мире и расставить правильные акценты: «всё вздор, кроме личной безопасности, и только две вещи имеют значение, – патроны и прокачка навыков». Подбирая нужные слова, я сделал для себя неожиданное открытие: «Этот парень наверняка не оставит меня в беде, как тот же Катран, что неожиданно-негаданно приехал с отрядом выручать меня». Решено, беру его в напарники, вот только с Даром нужно разобрать, сводить парня к Алмазу, вдруг и правда, что ценное в нём проснулось.

Лес обрывался резко, вот ещё корабельные мачты сосен, а вот голое пространство: стриженная трава, хотя скорее нестриженная газонная, за ней асфальтовая дорожка по периметру комплекса зданий и сами строения, то ли элитный посёлок, то ли санаторий такой, – для богатеньких буратин. Небольшие одноэтажные дома под красными псевдочерепичными крышами в окружении густой зелени декоративных насаждений; с краю трёхэтажный административный корпус. Судя по сорнякам, разросшимся среди газонной травы, с перезагрузки прошло не меньше месяца. Прекрасно, и вони меньше и заражённые наверняка разбрелись.

Я люблю заходить в богатые дома, раньше презирал всё это богатство, а сейчас тянет меня к нему. Но бедное неустроенное прошлое постоянно даёт знать о себе. «...Возьмите стручок ванили и положите его в сахарницу, пусть он лежит там всегда, тогда сахар пропитается дивным ароматом и отдаст его напитку». А что, блин, делать если не было в нашем городе ни единого стручка ванили, ванилина завались, хоть в штабеля укладывай, а собственно ванили, в стручках, нету.

Во всех встреченных ранее «богатых» домах тоже был «сплошной ванилин». Мы наблюдаем вокруг успешных людей, тех у кого нет нужды растягивать деньги от зарплаты до зарплаты. Иногда эта успешность нам только кажется, особенно если смотреть на дорогие авто из окон троллейбуса, а пересаживаясь за руль собственной иномарки, понимаешь, что девяносто девять процентов владельцев автомобилей от престижных брендов, такие же любители дешёвых понтов. Безусловно, мы практичные люди, выбираем машину по принципу «чтобы не ломалась», и стараемся не замечать древние намарафеченные «бумеры» и «мерсы» немым укором стоящие рядом с тобой в пробке, источающие чёрный или сизый дым из своих гниющих полумёртвых внутренностей, выплёвывая старыми бубнящими дизелями: «пон-ты-по-ты-пон-ты-пн-ты-пн-ты...»

Я решил в новом мире поменять свои старые привычки, вкусы и пристрастия. Кушать только дорогие продукты, живец бодрить исключительно премиальным алкоголем, ну и вещи обязаны быть от известных брендов. Получалось не очень, дорогие солнечные очки с поляризованными стёклами, выбросил на следующий день, – кожа под ними потеет и на переносицу давят, надвинутый на глаза козырёк армейской панамы куда практичнее. Китайские кроссовки с задником и подноском из папье-маше сидят на ноге ничуть не хуже брендовых, но заметно легче, да и не жалко их совсем, – выкинул и в любом магазине взял точно такие же. Полным провалом закончилась затея с едой и алкоголем. Икра и морепродукты надоели практически сразу, душа требовала картошки с салом и самым дешёвым чёрным хлебом, а спораны растворённые в любом алкоголе делали напиток лишь в разной степени мерзким. Относительным исключением стала одежда, особенно нижнее бельё, – дорожные трусы и майки удобно облегли тело и оказались невероятно приятными в ношении. Брюки и френч из линейки «мили-

тари», которые стоили примерно, как мой автомобиль, и позволить себе их могли лишь воры да звёзды шоу-бизнеса, оказались практичными как армейские «горки», но совершенно неошутимыми на теле, – крой и материалы совсем другого уровня. В общем всё у меня получилось как-то странно: «Лоро Пиана» плюс картонная обувь, а устрицы нравились почему-то исключительно с гречневой кашей.

Обнаруженный посёлок был полон статусных вещей. Ценные породы древесины снаружи и внутри домов, техника, дизайн, всё просто кричало о богатстве и роскоши. Мне подумалось, что это место связано с медициной, скорее всего с реабилитацией: в одном из домов нашлось инвалидное кресло на электрической тяге, оставленное рядом с кроватью, все дома оборудованы широкими пандусами, кое-где полностью отсутствует алкоголь, но имеются в изобилии лекарства.

Часть жилищ была разгромлена, следы борьбы встречались повсюду, то и дело на глаза попадались пулевые отметины, – отдыхающих неплохо охраняли, а может и сами они были вооружены. «Глок» найденный в одном из домов дополнительно убеждал в элитарности посёлка. Я решил задержаться на месте находки и поискать боеприпасы к легендарному пистолету. Сама машинка пользуется спросом, а редкий натовский патрон стоит дороже «пэ-эм-овского».

Приятная находка, самому хочется обладать такой штуковиной: грубые угловатые формы, рельефная рукоять в сочетании с малым весом, – убойный минимализм. Худому пистолет тоже понравился, в его взгляде вспыхнуло восхищение, а когда наши глаза встретились, оно сменилось даже не просьбой, – мольбой. Я было дрогнул, но вбитый в рефлекс принцип «не шуметь» оказался неподвластен эмоциям, поэтому находку в рюкзак, – меньше чем за десяток патронов к своему револьверу не отдам.

Бывший владелец пистолета сумел дать бой заражённым, обилие костей, перед домом впечатляло, растащенные по округе они не позволяли определить точное количество упокоенных монстров, но судя по черепам, попавшим в поле зрения, ван-шот – характерный почерк неизвестного стрелка. Пистолет на затворной задержке и валяется на полу, скорее всего монстры добрались-таки до героя. Худой тоже сумел оценить мизансцену:

– А он бился, как лев – один против целого полчища. Наверное, защищал кого-то, как думаешь, Хват? Он ведь мог пойти на прорыв с такой меткой стрельбой.

Я только начал осматриваться, прикидывая, где тут хозяин мог держать своё оружие, как был словно молнией поражён словами напарника. Эврика! Это действительно охранник, который до конца исполнил свой гвардейский долг.

Бросив на ходу «Худой, ты гений», я поспешил в глубину дома, где обжитой отыскал лишь одну небольшую комнатку. Поиски заняли считанные секунды, в прикроватной тумбочке обнаружился набор для чистки оружия и непочатая коробка на пятьдесят патронов. Этот Худой послан мне самим Провидением!

Вернулся к оставшемуся у входа напарнику несказанно довольный, полтинник «парабеллума», это как минимум пяток моих бесшумных выстрелов, – не день, а просто праздник какой-то. Радость не смог растворить даже бубнёж за моей спиной:

– Этот мир нужно было назвать Мародёр-ленд. Ходить по чужим домам, рыться в чужом добре и снимать с трупов трофеи. Я так понимаю, что успех здесь зависит от не самых благородных качеств.

– Не пузырись, гуманитарий, – проходя мимо, я хлопнул парня по плечу, – Пошли лучше пожрём чего. Здесь у многих неплохой алкоголь, а еды практически нет. Значит в главном корпусе должно быть что-то вроде столовой-ресторана. Место богатое, наверняка собственный генератор имеется, и я думаю нас ждёт славный обед.

Худой вяло поплёлся следом. Мы оставили прочёсывание домов и двинулись к главному корпусу.

Блаженство, полное довольство происходящим, какая-та негa – всё растаяло без остатка, в единый миг сменившись тревогой. Вот уж воистину наградил меня Улей то ли даром, то ли проклятием. Худой, как и в прошлый раз не обратил внимание на мою настороженность, – прошёл мимо. И вновь оказавшись в нескольких метрах впереди спохватился, обернулся, а бросив на меня взгляд, взялся за клевец.

Глава 5. Верное дело

Мы стояли на открытом пространстве перед административным корпусом, и я на секунду задумался, что может стоит отступить, не ходить на встречу явной опасности. Но день на излёте, стоит позаботиться о ночлеге, да и голод ноющим желудком настойчиво даёт знать о себе. Тем более, скорее всего, отступление не избавит от схватки с противником, и бой произойдёт вообще в темноте, если тварь достаточно развита для осмысленных действий и предпочтёт прямолинейному натиску, тихое скрадывание. Заминка вышла не долгой, я быстро оценил ситуацию: «Дар проявился, как только мы оказались на открытом пространстве, то есть нас заметили, и раз никто ещё не набросился, то этот кто-то обладает способностью контролировать простейшие инстинкты, вот только смущает, что Умение не бросает меня в адреналиновый угар, сердце работает ровно, я абсолютно спокоен. Рискованно, конечно, – противник наверняка опасен, и всё же у нас хороший шанс, почти верное дело. Вперёд».

Кивком головы я отправил Худого первым к раскрытому входу, сам, приготовив арбалет, двинулся следом, метрах в пяти.

Остеклённый вестибюль с высокими потолками «съедает» значительную часть первого этажа. Сквозь прозрачные панели фасада можно рассмотреть парковку с многочисленными автомобилями. Электричество в здании отсутствует, раздвижные двери зафиксированы в открытом положении. Кабина лифта; рядом лестничный марш на второй этаж и спуск в подвал; за стойкой ресепшена распахнутый офис; в левое крыло уходит широкий коридор с дверями на значительном расстоянии одна от другой. Часть дверей выломана, в коридоре разбросаны окровавленные тряпки, заметны потёки бурого цвета; бурые брызги и на стене лестничного перехода, ведущего на второй этаж. Обычная картина.

О наличии опасности говорит только мой Дар, – пока всё ровно, никаких изменений. Опять же кивком головы направляю своего спутника в правое крыло, в самом его конце коридор выводит в зал со стеклянной стеной и дневного света достаточно, чтобы рассмотреть обстановку местного обеденного заведения. Здесь, как и в левом крыле по бокам помещения, за выбитыми дверями угадываются подсобки. В одной из комнат я заметил холодильное оборудование. Индикация, хорошо заметная в сумеречном свете, это добрый знак, – можно будет неплохо поживиться.

Все посторонние мысли проходят фоном, не вызывая эмоций. Я полностью собран и занят поиском угрозы. Сквозняки создают вокруг звуковую среду, в которой сложно идентифицировать отдельные источники, а воображение услужливо дополняет непонятный шорох за углом образом подкрадывающейся твари. Худой впереди тоже напряжён, он делает очередной шаг, медленно перенося вес с ноги на ногу, и я вижу, как подрагивают его коленные сухожилия, – совсем-совсем не трус, напряжён, но владеет собой, выдам ему на время одну из своих винтовок. Только бы добраться до стаба...

Вот и зал местной ресторации, целых два уровня, нужно выйти на середину и осмотреться. Пойдём на кухню, там наверняка есть электричество, какой-нибудь дежурный обед из заморозки можно вытащить и уксусом разжиться, – весь мой запас для прокачки дара выпит, так сказать «за знакомство».

Спина Худого маячит впереди, он разжимает хватку на рукояти клевца и попеременно вытирает ладони о штаны, разминает затёкшие пальцы. «Ладно, парень, потерпи, сейчас будет привал...»

Мысль додумать до конца я не успеваю. Тень мелькнула перед глазами, заслонив впереди идущего человека. Одновременно тревога вскипела самым высоким градусом, обожгла шок, и я едва не впал в ступор, утратив контроль за собственным телом. Выручают рефлексy нара-

ботанные за месяцы пребывания в этом мире. Ещё до того, как тварь, бросившаяся откуда-то сверху, успевает приземлиться, я стреляю навскидку.

Подзабытое чувство слабости от полной разрядки Дара, в глазах радужные круги. Но всё это пустое! Сознание заполняет понимание произошедшей катастрофы, – Худой убит! Я кричу. Непроизвольно кидаюсь к падающему телу напарника, и словно бы раздваиваюсь: часть меня переполненная эмоциями и болью от чувства утраты не желает мириться с вырванным куском внутреннего мира, частичкой души и эта часть тащит меня вперёд, не разбирая пути. Другая часть с удивлением от факта такой привязанности к случайному человеку, с бездушностью фотокамеры фиксирует меняющиеся вокруг картинки: Худой, с тремя дырками в спине и огромным кровавым пятном, лицом вниз падает на пол; арбалетный болт, насквозь пробивший бронированную голову кого-то рангом не ниже кусача, бьётся в межэтажную плиту перекрытия; заражённый медленно оседающий на пол. Надо же какой приткий, пока я жал на спуск он успел приземлиться, убить Худого и развернуться, – если бы не выстрел на опережение, то он бы легко добрался до меня. Эта рациональная часть моего сознания в полном восторге, – я взял новый рубеж в овладении даром Улья. Вся схватка длится не более одного удара сердца, – взмах ресниц и я стою на коленях у тела товарища, а за спиной раздаётся грохот упавшей туши кусача.

Рассудок мой приходит в порядок, и вот я уже на ногах. Парень убит, я выжат будто лимон, а в голове, вытесняя смятение от пронесшейся бури эмоций, тонкой жилкой начинает биться так и не исчезнувшее чувство опасности. Да какого чёрта!

Всё, я вновь полностью владею собой. Слава богам, на кухне есть электричество и уже через пять минут я процеживаю уксусный раствор горошины. Слабость с её предательским тремором отступает, теперь можно оглядеться и разобраться с произошедшим. Итак, я прозевал такую себе нехилую угрозу, этот заражённый не уступает рангом тем тварям, что в самом начале моей карьеры разорвали целый броневи́к. Объяснение у меня одно, – я постоянно шёл вторым и главным объектом охоты, получается, был Худой, а я лишь ловил отголоски агрессивных намерений. Теперь, с оставшимся чувством угрозы: последний бой что-то изменил во мне, словно открылась новая грань Умения и я могу чувствовать расстояние до источника опасности. В настоящий момент угроза ощущается очень отдалённой, но в тоже время адресована она лично мне, тоже что-то новое – персонификация враждебного намерения. Ладно, – предупреждён значит вооружён.

Я решил похоронить Худого. Не желаю, чтобы его тело рвали на части, и сползались на пиршество окрестные падальщики с этим своим омерзительным урчанием. А ближайшая перезагрузка через восемь часов и добираться до нужного района почти двадцать километров, так что хоронить на обновляемом кластере не вариант.

Обход ближайших помещений почти сразу одарил меня прекрасной лопатой, и не пластиковой для снега, не совковой шухлей, а классической штыковой, ещё старого советского ГОСТа. С лопатой прихватил стопку простыней, – заверну в них тело.

С выбором места не стал мудрить и принялся копать здесь же, во дворе, среди молодых берёз и лип. Кстати, какой идиот додумался в городах и вообще, обжитых местах, липы высаживать. И так места для парковки не найти, так ещё и эти липы, с листьев которых всё лето что-то капает, машина ночь постояла и всё, эту липкую дрянь со стекла зубами не отдерёшь.

Земля оказалась мягкой и лёгкой как пух. Я радовался, Худому лежать будет хорошо, удобно. Мышцы, закалённые в постоянной борьбе с враждебным миром, не проявляли ни малейших признаков усталости и в считанные минуты я отрыл яму, считай окоп полного профиля.

В очередной раз распрямившись, выбрасывая очередную порцию земли, мой взгляд упёрся в носы кроссовок. Вздвогнув от неожиданности, я задрал голову выше, чтобы опять

испытать глубочайшее потрясение, – на фоне неба, по-вечернему наливающегося густой синевой, настоящим великаном громоздился Худой, – собственной персоной, живой и невредимый.

– Хват, ты это чего? Зачем? Ты что из этих, как ты их назвал, – киллдингов?

В ответ у меня получилось лишь помотать головой, воздуха в груди, чтобы выдохнуть даже короткое "нет" просто не оказалось. Это было то состояние, о котором говорят: "громом поражённый". Молнией людей бьёт редко, а вот прыгать в ледяную воду многим очень даже нравится, и температурный шок, когда на пару мгновений перехватывает дыхание, частично отражает охвативший меня паралич. Оторопь от разрыва реальности, в которой Худой разорван монстром, отпустила меня также быстро, как и охватила.

Через секунду я уже выпрыгнул из полностью открытой могилы и держал парня за плечи, крутя его и рассматривая со всех сторон: «Чёрт, этого не может быть, я же сам сюда тащил его посиневшее тело, живые не могут так..., зрачок-то хотя бы должен был реагировать на свет. Определённо парень был мёртв...»

– Хват, ты можешь объяснить, что происходит! Что случилось, это что обряд какой-то?

– Сними куртку..., да, собственно, всё снимай, сам увидишь.

Я прекратил осмотр и в самом деле внезапно воскресшего Худого... Стоп. Воскресший! Ну, конечно, это же дар Улья у него такой. Я улыбнулся, – всё встало на свои места.

Тем временем, «без пяти минут покойник» с удивлением рассматривал дырки на окровавленной джинсе. Просунув в них пальцы, он, казалось, пытается оценить тот инструмент, что мог оставить такие разрезы. Я же, задрав майку на спине счастливицы, не обнаружил не единого следа от когтей заражённого, и хмыкнув своим ещё не до конца сформулированным мыслям, обратился уже к вновь обрётённому партнёру:

– Пошли, там тебе есть на что посмотреть, да и переодеться надо срочно.

Затем, не дожидаясь ответа, первым двинулся к месту последней битвы, на ходу выкручивая крышку фляги с раствором горошины. Жить определённо стало лучше и гораздо веселее.

Глава 6 Марш-бросок

– Она меня..., ранила? – Худой перевёл взгляд с поверженного чудовища и по его глазам было видно, что парень всё понял.

– Нам нужно убираться отсюда. Я желаю, как можно быстрее добраться до стаба и по возможности без приключений.

В действительности я испытывал жгучее желание в мельчайших подробностях разузнать всё о Уменье, подаренном Ульем своему новому обитателю. От перспектив захватывало дух, – это ж теперь можно охотиться на самых развитых заражённых. Воображение рисовало, пока ещё, смутные образы различных засад: управляемый фугас; или сам я сижу и жду с очень крупным калибром, когда мимо пробежит Худой, чтобы в упор расстрелять матёрого рубера, и даже самого, не к ночи будет помянут, элитника. В общем вариантов – тьма!

Отправив напарника, теперь-то уж можно назвать его таковым "на все сто", переодеться, сам принялся за извлечение добычи. Целых четыре горошины и пять споранов в довесок, очень неплохо, – будущее стало видеться абсолютно безоблачным и манило перламутрово-розовыми тонами.

От золотых грёз меня отвлекло явление призрака в белых одеждах, я аж внутренне вздрогнул от неожиданности. Худой в белом кителе официанта выглядел зловеще, проявившийся в полумраке ниши, где имелся выход на кухню и подсобные помещения, он что-то жевал и стряхивал крошки с ладоней. От бывшего наряда остались только кроссовки, всё остальное, получается, было измазано кровью. Ну хоть не потеряется в темноте ночного леса.

– Хват, ты говорил, что тут можно неплохо перекусить, я же нашёл только сыр, хлеб заплесневелый..., от мясной нарезки остались лишь куски обёртки, какая-то тварь из-за неё раскурочила холодильник.

– Банкет отменяется, кто-то неожиданный и очень настырный желает присоединиться к нашей компании.

Во истину "опыт сын ошибок трудных", не встретив от партнёра возражений, не теряя ни секунды времени, мы в самом бодром темпе устремились прочь из этого негостеприимного места.

В лесу сразу вспомнил о тепловизоре, – так необходимом нам теперь «рояле в кустах». Кроны деревьев скрывали темнеющее небо и всё вокруг растворилось в густых сумерках. Как нельзя кстати пришёлся опыт ночного бегства из Южного. Пять минут на отработку взаимодействия, и мы двинулись навстречу уже знакомым приключениям с колючими пощёчинами ветвей, коварными тычками сучьев и предательскими ямами нор и выворотней.

В течении следующего часа скорость передвижения упала настолько, что дальнейшие усилия теряли хоть какой-то смысл. Выбрав подходящее место, я скомандовал "привал".

Разбить мало-мальски оборудованный лагерь не имелось ни малейшей возможности, и легко одетый напарник уже через пять минут стучал зубами, пришлось одолжить ему свою суперфирменную куртку. Не люблю я этого, – отдавать кому-то своё имущество, пусть и на время, – всё равно кто-то внутри меня получает тяжёлую травму, и так страдает, так страдает, что даже мне плакать хочется.

Вскорости взошла луна, её призрачного света едва хватало, чтобы рассмотреть силуэт впереди идущего, но я решил максимально оторваться от таинственного преследователя. Очевидно, что это не заражённый, им такие трудности как недостаточное освещение неведомы. А я, с некоторых пор, не ощущаю приближения угрозы и даже наоборот, – двигаясь по тёмному лесу, мы явно удаляемся от её источника. Значит это человек, и те выстрелы, что мы слышали накануне, были неслучайны. Особых кандидатов на роль догоняющих у меня не было, единственная сила, которой я умудрился перейти дорогу в последнее время, это муры, и учитывая

"картину маслом", что оставили после себя Март и Дин, о намерениях "отбросов общества" можно особенно не задумываться. Теперь, примеряя на себя "выход в открытый космос", я внутренне леденел и, периодически оборачиваясь, помогал Худому проходить особенно сложные участки.

Рассвет застал нас на дороге, с которой мы сошли, срезая часть пути. Если не будем терять темп, то через пару-тройку часов доберёмся до патрулей и относительной безопасности.

Худой, и в самом деле не отличающийся атлетическим сложением, за часы, прошедшие с момента воскрешения, вовсе превратился в обтянутый кожей скелет, его заметно шатало, – регенерация требует ресурсов, а тут ещё этот марш-бросок.

Благо, в обжитых районах нет проблем с провизией, так что полчаса, требующиеся на скорый завтрак, особой погоды не сделают. На добрый лад настраивало и пропавшее ощущение преследования, значит не зря мы тыкались впотьмах и ломились сквозь по-утреннему сырой подлесок.

На одном из перекрёстков ожидаемо повстречали мангруппу и, не желая больше рисковать, просидели следующие часы в привычном для меня бронированном брюхе транспортёра, созданного местными самоделкиными на базе четырёхосного самосвала.

До Южного, как я и рассчитывал, добрались в середине дня. Естественно, первым делом к знахарю, новые вопросы задать и истребовать ответы на старые.

С момента возвращения в стаб, я не спешил к нему с визитом, – после откровенного разговора с Катраном меня не покидало подозрение, что этот ловкий эскулап провернул какую-то свою интригу, в которой я оказался не просто статистом, но и одним из щедрых спонсоров чужого проекта.

Мой бывший командир, пока я ещё был в его распоряжении, дал исчерпывающую аттестацию недавним компаньонам: «Никто свои умения не афиширует. Да, пока ты в группе, то невольно демонстрируешь свой дар, соответственно бойцы знают твой уровень, но это залог успешной команды. Затем, по мере, открытия новых граней и появления новых способностей ты волен действовать на своё усмотрение: скрыть или повысить свой статус в группе, объявив о новых умениях. Лич был ликвидатором, а девчонки иногда работали с ним, прикрывали на переходах. Эти трое очень опасные люди, привычные к хладнокровным убийствам, особенно Лич. Как именно теперь он убивает, мне не известно, но раньше вроде как бил с дистанции, причём я всегда считал главным его умением просчитывать последствия своих атак и выходить сухим из воды. Когда он ходил ещё под чужим командованием, то выбирался из переделок где погибали десятки рейдеров, а парни, которым улыбалось уцелеть, говорили о нём как о заговорённом, что только рядом с ним было безопасно. Я тогда и услышал, что метров с десяти он может остановить сердце слабенького заражённого или обычного рейдера. То есть он как своеобразный повелитель смерти, держал в руках чужие жизни, почти в буквальном смысле. «Лич» это именно оттуда пошло».

И всё же игнорировать Алмаза было невозможно. Изменения в организме физически не ощущались, не было такого, чтобы я проснувшись утром почувствовал нечто новое в своём теле, но всё же приходилось постоянно отмечать накопление признаков перерождения: ногти на руках и ногах стали прочнее и почти из идеально плоских пластин превратились в округлые чешуйки, на внутренней стороне каждой обозначилось ребро жёсткости, ещё немного и на моих пальцах отрастут полноценные когти. Теперь маникюр для меня процедура перво-степенной важности, – никогда не думал, что пилки для ногтей бывают с алмазным напылением. В какой-то момент вдруг обнаружилось, что воротники рубаш перестали застёгиваться на верхнюю пуговицу. А затем, потирая как-то в глубокой задумчивости шею, отметил необычно выпирающие позвонки. Более тщательное прощупывание собственного хребта, привело к неутешительному выводу, шейный и грудной отделы позвоночника всюду претерпевают

странные метаморфозы: позвонки становятся шире и толще, и на каждом формируется костный нарост, пока почти незаметный визуально, но уверено пальпируемый.

Я сразу понял в чём дело, но воспринял открытие на удивление спокойно, – я найду выход, один шанс я упустил, но теперь точно не оплошаю, надо только не опускать руки. И первым делом следует засунуть обиды куда подальше и топать к знахарю.

Алмаз излучал радушие, встретил как старого знакомого приветственно распахнув объятия:

– Здравствуй, здравствуй! Что же это Вы, уважаемый, совсем и про ружьё своё забыли и про книги, а уж про Вашего покорного слугу и речи нет, – Вы теперь личность известная, можно сказать знаменитая.

Знахарь светился золотым червонцем, от моего недовольства не осталось и следа. Разговор складывался легко, мы без лишних церемоний перешли на скользкую тему недавнего похода и подбора членов команды. Я позволил себе прямо высказаться о неблагоприятной роли собеседника в этом процессе:

– То ли Вы умеете мысли читать, то ли ещё как-то можете просчитывать клиента, не суть. Главное, всё то время Вы манипулировали мной? Втянули в компанию маньяков-убийц..., только потому что они завязали, уверились в их раскаянии? Чёрт побери, да Вы псих! Меня ведь запросто могли кинуть, – скрипач не нужен!³

Алмаз молчал, плотно сжав губы и не отрываясь, глядел мне в глаза. Спустя минуту, он неожиданно сменил тему:

– Давайте поиграем в шахматы, – коробка уже стояла на столе и мой собеседник, раскрыв её, принялся выкладывать фигуры, – Самое главное сохраняйте спокойствие, не нервничайте, следите за дыханием, старайтесь контролировать тембр голоса, он должен быть ровным, тогда удастся отсечь часть информации, неконтролируемо транслируемой окружающим. Потом глаза – концентрируйтесь чтобы они не бегали. Человека с мечущимся взглядом легко поймать: глаза на мгновение замирают, когда сознание откликается на значимую фразу или же фиксируется на важном предмете. Есть ещё масса приёмов и ухищрений чтобы влезть в сокровенные мысли человека, читать их вовсе не обязательно, да и вряд ли возможно, даже в этом мире, поверьте мне.

– Всё равно признайтесь, – я и вправду завёлся от собственной речи и теперь пытаюсь взять себя в руки, сбавить обороты, – Вы поставили меня на самый край пропасти, ведь напряжение в отношениях с Личем ощущалось почти до самого окончания охоты.

– Лич человек повидавший всякого, всех его Умений даже я прочитать не смогу, он здесь очень давно и не станет просто так убивать. Здесь было что-то другое, зачем-то ему вдруг понадобился этот поход. Ключевое слово здесь «Вдруг». Я и не помню, когда он был у меня последний раз, а тут появился неожиданно и о Вас заговорил. Этот человек непонятен мне. Вот и сейчас с этой вашей Настей как с писаной торбой возится, к себе забрал.

Моя рука с шахматной фигурой сжалась в кулак.

– Я один, один! Ничего не получил! Зеро! – утихнувшая было буря эмоций, вновь стала закручиваться в тугую спираль самого чёрного и разрушительного торнадо. Стиснутые пальцы побелели и вдруг, в правой кисти, что-то хрустнуло, я испуганно разжал кулак, – на ладони лежала переломленная фигурка короля, острые грани светились теплым оттенком белого цвета с едва заметным сетчатым рисунком. Бивень мамонта! Я затравлено посмотрел на знахаря.

– Вы зашоренный и неблагодарный человек. Вы получили больше всех. Проглоти Вы ту жемчужину и всё – поговорили и забыли. А сейчас Вы событие. Иммунные, которые хотя и утратили, забыли свои человеческие чувства, тем не менее, хорошо помнят то бешенство и ужас, которые их сопровождали в течение месяцев, а то и лет медленной трансформации, помнят ощущение полной беспомощности и невозможности противостоять этому перерождению. Вот они точно оценили такую жертву, каждый примерил ситуацию на себя, – поверьте

мне. Конечно, большинство посчитало Вас идиотом, но теперь Вы точно не «пыль с ботинок», которую можно отряхнуть и забыть. А ведь именно так относятся к населению Южного лучшие люди нашего города.

Спорить дальше не хотелось. Мы молчали. Испорченный шахматный гарнитур полностью занял мой разум, вытеснив оттуда и «Похищение Европы», и «предательское коварство».

Глава 7 Потаённые страхи (возмутительная корреляция)

Гарнитур оказался действительно из слоновой кости. Но он не являлся особенной проблемой, на одном из кластеров этот редкий набор появлялся регулярно и при желании подобными фигурками можно было обеспечить любого желающего. Зато в итоге я получил ценный совет и обзавелся, в придачу, обязательным для культурного человека занятием, именуемым «Хобби».

«Нельзя злобу держать в себе, заталкивая поглубже, – поучал меня знахарь, – нужно вытаскивать её, работая с раздражителем и перерабатывать, утилизировать, разбирать на составляющие, упрощая проблему, или наоборот двигаться от простого к сложному – анализ и синтез, дедукция и индукция. Для тренировки попробуйте взять второстепенную проблему, совсем второстепенную и попробуйте её решить одним из методов».

Вот я и взял себе в проблему, – разобраться с шахматной программой. Теперь я ненавижу шахматы, раньше любил, а сейчас ненавижу, но всё равно сажусь играть каждый день. Меня тошнит от одного вида бело-зелёных клеток на мониторе. Эта сволочь, компьютер, делает со мной что хочет: на девятом уровне разносит меня в пух и прах, не оставляя ни малейшего шанса, я даже не успеваю разменять половину фигур; на пятом уровне я побеждаю в половине партий и могу даже примерно определить в какой момент он мне поддался, но вот именно этот момент и выбешивает больше всего – иногда он жертвует тяжёлую фигуру, я отмечаю у себя в голове «слив засчитан» и тут же он ставит мат. Если бы это был персонифицированный биологический объект, то я бы одел эту шахматную доску прямо ему на голову, а тут остаются только потоки ругательств и проклятий, как инструмент психологической разгрузки. Иногда очень хочется пойти и набить морду знахарю, этому самоуверенному кретину. Но где-то в глубине сознания сидит твёрдая убеждённость, что он прав, – чтобы выживать и конкурировать с самыми успешными иммунными, необходимо научиться думать на три-четыре шага вперёд, и что-то надо делать с раздражительностью... Помноженная на ничем не подкреплённые амбиции она даёт совершенно омерзительный результат под названием спесивость.

Я стал практиковать дыхательные упражнения: вначале просто глубоко дышал, потом стал концентрироваться на вдохе-выдохе, затем на сердечной активности, пытался успокоить пульс в такт дыханию. В конечном итоге перешёл к практике дыхания под статической нагрузкой, то есть дыхательные упражнения в определённых, нагружающих крупные мышцы, позах. Раздражительность, а тем более бешенство и агрессия остались в прошлом, но вот только эта электронная гадина всё равно не желала сдаваться, игнорируя накопленную мной прану. «Но я всё равно тебя раздолбаю, чёртова железяка!»

И вот я снова давлю на звонок хорошо знакомой мне квартиры. Алмаз по своему обыкновению «у себя» и широким жестом приглашает войти.

Я предполагал, что мой протеже станет интересен знахарю, но не думал, что настолько. Этот мозгокрут провозился с парнем неприлично долго и по моему наблюдению остался недоволен, – выглядел уставшим, на лбу выступила испарина и..., ему даже потребовалась доза укусного раствора! Это феноменально! Я впервые вижу, как знахарю требуется допинг, что-то у него там не получается.

Пассы руками вокруг тела клиента сопровождались вопросами. Первоначально Алмаз расспрашивал Худого, но в какой-то момент переключился и на меня: зачем я потащился в рейд; почему не присоединился к стронгам; как относился к ним до допроса пленных и после. А потом начал изводить глупыми вопросами о моих чувствах к Худому. Я сперва старался

быть точным в ответах, всё же работает человек, а потом как-то разволновался: «Это к чему он мне о чувствах вдруг..., на что этот козлина намекает?»

Спустя весьма продолжительное время окончательно выдохшийся специалист наконец опустил в своё кресло и откинувшись на спинку прикрыл глаза. Затем по его лицу пробежала вымученная улыбка и закинув ногу на ногу он снизошёл до объяснений:

– Случай редкий, звучит, конечно, банально, здесь каждый второй случай редкий, но тем не менее... Дар, который Вам, молодой человек, достался сложно описать. Это точно не «воскрешение», – движение рукой в мою сторону пресекло почти неминуемое пререкание, – хотя и факт возвращения к жизни я не ставлю под сомнение. То, что произошло это лишь грань огромного целого, пока ещё только формируемого и мне непонятного. Даже не так, – не постижимого для меня.

Знахарь умолк, мы оба тоже молчали. Худой – новичок, ему пока не доступен смысл и вся невозможность услышанного. Для него это сродни визиту к шарлатану-экстрасенсу: вон, как глазами водит, ищет, наверное, магическую сферу или хрустальный череп. Я же, в мыслях своих, за одно мгновение успел и разочароваться, из-за крушения таких блестящих перспектив, и вновь преисполниться оптимизмом. У меня с этим легко, – «меня обманывать не трудно, я сам обманываться рад»⁴. Надо полагать, что Худой получил какое-то уникальное умение, а невероятно одарённый иммунный – это подходящая компания. Теперь надо только вытрясти из хитрюги знахаря всю информацию до самой последней крупинки.

Алмаз, между тем, поставив чайник, готовил вместительный заварник. О! чай будем пить, – значит нас ждёт увлекательная история и мне, может быть, не придётся особенно напрягаться. Додумал эту мысль и ощутил, как тоскливо зануло в груди: «Чего я себя обманываю, этот матёрый интриган, зверюга, опять задумал что-то нехорошее, и наверняка с моим участием». Но деваться-то некуда, мы ничего конкретного так и не разузнали, а значит придётся сидеть и покорно наблюдать как этот паук будет плести свою сеть из очевидных доводов и логических допущений, а когда спеленает нас по рукам и ногам, пустит свой яд, – предложение, с которым невыносимо сильно захочется согласиться. Но я дал себе зарок: ни при каких обстоятельствах я не позволю развести себя на очередную жемчужину, – её, собственно, у меня и нет. Теперь даже в мечтах я не затрагиваю скользкую тему добычи вожака трофея. Ну..., или почти не затрагиваю.

Алмаз вернулся к нам с заварником укрытым войлочным колпаком. Расставив чашки из какого-то вычурного невероятно тонкого фарфора, он уселся на своё место, сцепил пальцы, упрекнув руки в подлокотники, и наконец озвучил результаты своего исследования:

– Я о таком ни то что не слышал, но и вообразить подобного не мог, думал уже вряд ли что-то меня удивит..., оказалось напрасно. Стикс бесконечен и непредсказуем в своих фантазиях. В полной мере я не могу описать, всё что сумел ощутить, но если коротко, в двух словах, так сказать, то это Умение лучше всего называть «Исполнение желаний».

Знахарь умолк. Я немножко растерялся, услышанное никак не укладывалось в мой набор возможных вариантов сотрудничества, сиречь, – эксплуатации Худого в вопросах добывания споровых тел.

– С какого рожна сделаны такие выводы?

– Это что, я теперь в джинна превратился?

Мы с напарником одновременно после продолжительной паузы выстрелили в знахаря вопросами. Тот, не сдержавши самодовольной мины на лице, продолжил лекцию:

– Главный вывод в том, что я не могу судить о выпавшем подарке Уля в полной мере, но из собственных ощущений и ваших рассказов совершенно определённо следует факт применения Умения: один раз в компании стронгов, второй – при фатальной атаке заражённого. Каждый раз проявления Дара сопровождалась твоими, Хват, страстными желаниями в условиях сильнейшего стресса. Вначале это была попытка вытащить несчастного мальчика подальше от

кровавого безумия, затем стремление защитить от гарантированной смерти. Материализовались взаимные чувства невероятного накала.

«А мне – всё по хуй:

Я сделан из мяса

Самое страшное, что может случиться:

СТАНУ ПИДАРАСОМ !!!!!»⁵

Слова известной песни сами собой всплыли в сознании. К лицам с нетрадиционной ориентацией всегда относился спокойно с пониманием. Знал, что корреляция между гомофобией и латентной гомосексуальностью доказанный факт и замечая парня помешанного на внешности, всякий раз одёргивал себя на полуслове «пидо...». Духовной работой этой я очень гордился, признавая себя человеком цивилизованным и толерантным. Раздражала лишь нарочитая эпатажность и навязчивость отдельных представителей этого племени, порой принимающая зловещие формы диктатуры гомосексов. Люди эти были мне неприятны и отвратительны, и поэтому лично себя даже в мыслях не мог отнести к голубому сообществу, а тут звучат обвинения, ну или намёки на проявление дурных наклонностей. Я собрался было обрушиться на знахаря с гневной речью и убить его праведной яростью обценной лексики, но тут главное не переходить на личности. Оскорблять Алмаза я опасался, ведь помимо Катрана это единственный человек из уважаемых людей Южного, с которым можно свободно общаться. Я запнулся, пытаюсь отфильтровать все глаголы и междометия способные опрокинуть его честь и достоинство, – завис, казалось, на целую вечность. Воздух рвался из лёгких, заставляя багроветь лицо и до боли раздувая щёки.

Знахарь не только нисколько не смутился, но и решил ещё больше обострить мою реакцию, нарочито спокойно продолжив увещевания:

– Хват, дорогой, ну полно так горячиться, это сейчас нормально, у нас открытое и толерантное общество, – говоривший вдруг не выдержал и, приснув коротким смешком, разразился затем настоящим хохотом, сквозь приступы удушающего смеха, комментируя, – Видел бы ты свою физиономию, жаль нельзя видео записать...

Мой гнев, вспыхнув радужными кругами перед глазами, схлынул, оставив липкий пот, спазмы в горле и сжатые кулаки. Опыт, – бесценная вещь, и способность усваивать его, отличает людей успешных от неудачников, – кидаться оскорблениями или бросаться на собеседника с кулаками не самая выигрышная стратегия оппонирования, это-то уж я знал наверняка.

К тому моменту, когда Алмаз отсмеялся и утирая слёзы, вернулся к разговору, я был абсолютно невозмутим.

– Это шутка, Хват. Извини, трудно было удержаться, – тон говорившего действительно приобрёл просительные нотки и рассказ вновь вернулся в серьёзное русло, – Умение парня в самом деле заточено на стороннее пожелание. Он не сам генерирует идею, а ищет её во вне, как ищут помощь, поддержку. В плену, скованный по рукам и ногам он не видел для себя иного спасения кроме как уповать на благоприятное стечение обстоятельств, внешнее воздействие. Вот тут-то ты и подвернулся, встал на его сторону... Второй случай, это конечно фантастика, но это Улей, здесь удивляться можно бесконечно.

Знахарь прервал свою речь и принялся разливать по чашкам настоявшийся чай, в воздухе разлился терпкий успокаивающий аромат. Ни я, ни Худой больше не встречали с вопросами. Знахарь отхлёбывал напиток с громким сёрбаньем, сопровождая всасывание кипятка шелушением золотинок от шоколадных конфет. Я тоже сосредоточился на угощении, поедая сладости, разглаживая картинки обёрток, но ни один вкус мне не понравился. Первоначально восхитительные шоколадные нотки, мгновенно сменялись омерзительной кислотой или вульгарной химической приторностью начинки. Хотелось плевать. Глотать эту мерзость решительно не доставало никаких сил. Алмаз, делая паузы и вновь возвращаясь к разговору, пол-

ностью завладел инициативой. Он единолично вёл разговор, но я уже понял, что в финале мне будет предложен очередной квест, где наградой станет исполнение самого заветного желания.

– Сравнение с джинном не совсем точное. Просто так исполнить желание Хвата, или кого-то ещё, не получится, по крайней мере на данном этапе развития Уменья. Мне оно видится огромным цветком подсолнуха, придавленного каменной плитой, из-под которой торчит лишь пара лепестков, как раз по количеству исполненных желаний. Ты, – он обратился к Худому, – не можешь их коснуться, не чувствуешь даже. А я не могу высвободить твой Дар, поднять эту плиту, – не под силу это мне. Вот коснуться высвобожденного Дара, активировать уже сработавшие сценарии думаю получится. Например, если тебя сейчас убьют, то это как раз один из таких сценариев, – я смогу тебя оживить.

– А Хват может? – подал голос Худой.

Алмаз немного промедлил с ответом.

– Не уверен. Тут важен не столько актер сколько сила эмоции, концентрация на реципиенте, степень отчаяния, ну и твоё особенное состояние конечно. Боль, ужас..., ну ты понял.

Теперь уже мы умолкли все втроём и в полной тишине продолжали чаепитие. Я в общих чертах представлял себе ситуацию, но не видел перспектив монетизации описанного Умения. Разочарование и уныние поселились в моей душе. «Опять самолёт!» – вспомнилась запись в дембельском альбоме одного моего товарища.

– Кстати, Хват, а кто это прилепил тебе такую ловкую метку? И ведь невидно почти, тонкая работа.

Глава 8 На старые грабли

Какого чёрта! Метка, это серьёзно и не понятно ведь, кто её мог мне навестить, сложно даже предположить кому понадобилось отслеживать мои перемещения. Стронгам? Не думаю, они умчались на своём чудо-мобиле и забыли обо мне в тот же миг. Я перестал для них существовать, когда пренебрёг оказанной честью – не вступил в ряды "воинов света".

В стабе всё закрутилось настолько быстро, что никто не знал о рейде, для меня самого это мероприятие свалилось как снег на голову. Людей, кто мог бы провернуть подобный трюк, раз-два и обчёлся: "хозяин", кладовщик и ещё три, максимум четыре случайных человека. В то утро на улице вообще было пустынно, меня точно никто не коснулся, так же как и в здании администрации, но на складе, где я «превратился в хомяка», там могло случиться что угодно.

От снятия метки я отказался, успокаивало, что она сама исчезнет через пару дней. Если кто-то тайно следит за мной, то пусть остаётся в неведении о провале секретности своей миссии. В ближайшее время я точно не собираюсь покидать стаб.

Скоротечный рейд принёс неожиданные результаты: Худой, его талант, масштаб которого так удивляет знахаря, всё это требует немедленных энергичных действий. Иначе могу вновь остаться у разбитого корыта, бездарно упустив возможность прикоснуться к настоящему чуду. Этот парень сможет мне помочь если не сразу, то с течением времени обязательно, более того, знахарь уверяет, что и сам я не буду лишним в окончательной инициации, – связь какая-то..., тьфу на него.

Алмаз словно зловердный хакер подобно DDoS-атаке продолжал забрасывать мой мега-мозг новой информацией. К невероятному умению Худого, выявлению подозрительных наклонностей и обнаружению тайного соглядатая, знахарь присовокупил ещё и очередную легенду Стикса, – Великих. По его словам, только полумифические обитатели этого мира смогут полностью раскрыть потенциал и помочь Худому самостоятельно использовать обрётённые способности. Естественное течение событий, постепенная прокачка Дара не гарантируют правильного раскрытия всех возможностей. Гармония наверняка будет нарушена и вместо все-стороннего развития, доминирующей станет какая-то часть уникальной способности и скорее всего постепенно Умение свернётся до банальной самозащиты и станет невозможным его использование на благо других иммунных. Поэтому чем быстрее Худой попадёт в умелые руки сильного знахаря, тем лучше, а самые сильные и умелые иммунные это Великие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.